

ТАТЬЯНА
БЕЛОУСОВА-РОТШТЕИН

Королевский туман

Татьяна Белоусова-Ротштейн
Королевский туман

«Издательские решения»

Белоусова-Ротштейн Т.

Королевский туман / Т. Белоусова-Ротштейн —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903022-1

Мир, напоминающий викторианскую эпоху. Молодой лорд Джеймс Леонидас вынужден расследовать исчезновение известного в столице антиквара. Вместе с антикваром пропала очень важная для Джеймса вещь. По ходу расследования он узнает страшные тайны своей семьи, сталкивается с мистическими силами и стремится раскрыть заговор против королевы. Но предполагаемый заговор оказывается совсем не таким, как подозревал герой.

ISBN 978-5-44-903022-1

© Белоусова-Ротштейн Т.
© Издательские решения

Содержание

1. Пар и хруст	6
2. Сахиб	11
3. Обычай	15
4. Адмирал	19
5. «Жесткая верхняя губа»	23
6. Родезия	26
7. Посланник	30
8. Старое и новое	34
9. Бунт и бунтовщик	39
10. Война и наука	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Королевский туман

Татьяна Белоусова-Ротштейн

© Татьяна Белоусова-Ротштейн, 2018

ISBN 978-5-4490-3022-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Пар и хруст

– Лорд Джеймс Леонидас, господин председатель комитета по надзору за алхимическим делом, – неторопливо произнес профессор Адамас, – хотите знать, как всё это выглядит со стороны?

Джеймс невольно коснулся своего шейного платка и быстро отдернул руку. Правительственный балкон хорошо вентилировался, но лорд всё равно старался глубоко не дышать. Чтобы при этом не начать задыхаться следовало не двигаться слишком резко.

Он скучающе взглянул на ректора:

– Предполагаю, профессор, Ваша оценка будет, как всегда, невысокой, – голос прозвучал непринужденно, хотя горло рвала страшная сухость.

– Я просто опишу, что вижу. – Глава университета неторопливо откашлялся. – Огромная империя, разбухшая от чужой крови, как клещ. Столица этой империи, задыхающаяся от собственного яда. Высшее общество этой империи, также упивающееся кровью и ядом. И один из этого общества, едва не лопающийся от осознания собственной важности. Хотя он, в сущности, не более чем жалкий потомок жалкого предателя.

Джеймс с истинно атлантическим спокойствием лишь слегка изогнул бровь:

– Не возьмусь оспаривать лично свою характеристику... Но с Вашей трактовкой исторических событий я по-прежнему не согласен.

Томас Адамас брезгливо поморщился:

– Всего хорошего, мистер Черчес, – и прошел мимо, навстречу своим верным друзьям-алхимикам.

Джеймс проводил его не менее презрительным взглядом. Интересно спросить, если господину профессору здесь всё настолько противно, зачем он приходит на подобные церемонии? Не хватает смелости отказать? Стоит отдать ректору Адамасу должное, трусом он не был, по крайней мере, Джеймс его бы так не назвал, при всём желании.

Молодой лорд невольно продолжал наблюдать за своим бывшим учителем. Для его возраста и столичной атмосферы старик выглядел на редкость здоровым. Узнать бы, что они там химичат в своих университетских лабораториях... Но пока в эти тайны не может проникнуть даже его комитет. Впрочем, это не главная задача лорда Леонидаса.

А что если секрет бодрости и здоровья профессора Адамаса совсем в другом? Но сегодня, в день праздника, Джеймс не хотел об этом думать. Хотя бы один день.

Парад победителей медленно тек по проспекту Вильгельма. Из-за обычного смога Лондониума и пара, изрыгаемого парогусеничниками, шествие было едва различимо даже с верхнего балкона. Плывущий на предельно низкой высоте, почти над самыми крышами, строй дирижаблей, тоже терялся в сероватой дымке.

Но при всем этом парад ничуть не терял своего величия. Джеймс буквально чувствовал воплощенную мощь Атлантической Империи, чувствовал её власть над миром, её неоспоримое превосходство.

Солдаты маршировали следом за техникой. Джеймс едва видел колонны, но прекрасно слышал строевой шаг. Лязг стали и шаги солдат. Сила и величие.

Впрочем, не армией единой... Многие из тех, кому Империя обязана своим незаходящим солнцем, никогда не появляются на парадах, их скрывает иной туман. Джеймс смел надеяться, что понимает таких героев.

Кто-то тронул его за плечо, вернув мыслями в душную столицу. Джеймс судорожно перевел дыхание, стараясь не терять отстраненный вид.

– Огденс? Вы здесь?

– Сэр, – старый дворецкий тоже с трудом дышал и, в отличие от милорда, не скрывал этого, – я спешу сообщить... это срочно...

– Успокойтесь. Говорите тише, – лорд быстро оглянулся по сторонам, к счастью, на них почти никто не обращал внимание. – Дома что-то случилось?

Сухость в горле стала почти нестерпимой. А на виске немедленно выступил холодный пот.

– Сегодня утром, вскоре после вашего отъезда, – Огденс заговорил спокойнее, почти привычно, – к нам пришла молодая особа... хиндийка. Насколько я понял по её словам, с мистером Кинзманом случилось какое-то несчастье. Она просила сообщить Вам как можно быстрее.

Мир, еще минуту назад казавшийся совершенным, хрустнул, пошел трещинами, как нежный чанхайский фарфор. Джеймс перестал слышать военную технику и солдатские шаги, он слышал только этот хруст. Почти как хруст костей.

В его доме сейчас прячется дикарка. А с Кинзманом что-то случилось. А если с Кинзманом что-то случилось...

– Сэр? – невозмутимо напомнил о себе Огденс. – Что ей передать?

– Передайте ей, – Джеймс очень внимательно посмотрел на слугу, будто впервые его увидел, – передайте, чтобы она сидела тихо. И сами за ней проследите.

Огденс больше не задавал вопросов. Он бы и не успел больше ничего спросить, Джеймс резко развернулся и пошел к выходу с балкона, почти побежал. Такое бегство наверняка привлекло внимание большинства присутствующих, но теперь он просто не мог думать, как выглядит со стороны. Теперь он мог думать только о Кинзмани. И о той вещи.

Проходя через парадный зал, лорд Леонидас будто никого не видел. Только один голос заставил его остановиться на полпути:

– Джеймс, здравствуй! – леди Голди приветливо махнула ему рукой и подошла ближе.

– Здравствуй, Элизабет, – он замер и судорожно улыбнулся.

– Сегодня с погодой еще повезло! – её лицо в окружении легких светлых локонов, светилось искренней радостью. – Надеюсь, и на открытии нашей выставки дождя не будет.

– Да, я тоже надеюсь, – ответил Джеймс, косясь в сторону двери для слуг. Меньше всего на свете ему хотелось бы огорчать эту девушку, но сейчас просто не было времени на любезности. – Прости, Элизабет, но мне нужно срочно бежать.

– Но мы же договаривались вместе идти на прием...

– Прости.

Он нырнул в туман через черный ход Ратуши и, наконец, сорвал с шеи платок. Дышать становилось всё труднее, но лорда это не волновало.

Парокар как-то оставался блестящим даже в местной атмосфере. Теперь его перламутровые бока показались Джеймсу будто измазанными слизью.

Магазин «Три кита» располагался довольно далеко от центра, от главных торговых улиц, но Джеймс доехал туда быстро. Улицы Лондониума были полупусты – большинство жителей отправились смотреть Парад победителей.

Около особняка, являвшегося одновременно домом и лавкой мистера Кинзмана, тоже никого не было. Ни зевак, ни встревоженных соседей, ни полиции. Джеймс ощутил в душе противную смесь надежды и нетерпения.

Та вещь. Что бы ни случилось, он должен найти ту вещь. И забрать ее.

Он вышел из кара. Здесь запах выхлопных паров и копоты уверенно перебивается запахами пряностей, старых чернил, старой бумаги и еще чего-то старого. «Старыми тайнами», неуместно подумал Джеймс. Витрины и окна первого этажа разбиты, дверь красноречиво распахнута, оттого и вырвались на волю все внутренние запахи.

Лорд вошел в торговый зал.

Внутренний погром соответствовал внешнему. Кто бы это ни был, они явно что-то искали. У Кинзмана имелись сотни вещей, достойных похищения, но Джеймс почти не сомневался, приходили именно за той вещью.

Стараясь убедить себя, что его опасения не обоснованы, что о той вещи знали только он и Кинзман, по крайней мере, антиквар так говорил, что вещь надежно спрятана, лорд прошел в складское помещение. Тот же хаос.

Он поднялся наверх. В комнатах царила давящая тишина и еще какой-то неестественный, непривычный холод, словно из дома унесли не только предметы вещественного мира, а еще что-то... неосязаемое.

Карл Кинзман жил один, не считая служанки-хиндийки, но никогда Джеймс не ощущал в его доме такой мертвой пустоты.

От слова «мертвой» он передернулся, с трудом перевел дыхание и ускорил шаг.

Кабинет антиквара выглядел не лучше прочих комнат. Судорожно сжимая кулаки, Джеймс подошел к встроенному сейфу. Можно было уже не обманываться, дверца сейфа распахнута, внутри пусто. Кинзман держал ту вещь именно в сейфе, говорил, что это вполне надежно.

Лорд Джеймс Леонидас разжал пальцы и заставил себя сделать три глубоких вдоха. Затем подошёл к сейфу и прикрыл дверцу. На дверце не было никаких повреждений. Значит, ее открывали «своим» ключом.

Он еще раз обошел весь дом, сверху донизу, мистера Кинзмана нигде не было, ни живого, ни мертвого.

Почти полгода напряженных, судорожных поисков. Наконец, удача. Сделка почти совершена, та вещь почти у него в руках. Всего один день до цели. И вот – разгром и пустота.

Стоя посреди торгового зала и трясущимися руками наматывая на шею платок, Джеймс пытался понять, как ему действовать дальше. Как ему жить дальше.

– Сэр, не двигайтесь.

Негромкий, спокойный голос, раздавшийся в холодной тишине, буквально резанул слух. Джеймс замер и уставился на вход.

На пороге стояла молодая женщина в туманно-сером плаще. Гладкая прическа в духе гувернанток открывала простое и правильное лицо, опять же напоминающее молодых школьных учительниц. Выбивался из образа только сжимаемый в женской руке револьвер, совсем не дамской модели.

– Кто Вы, что здесь делаете? – также спокойно спросила она.

Джеймс почему-то был уверен: те, кто, вероятнее всего, напал на Кинзмана и забрал ту вещь, не стали бы пользоваться обычным оружием. Оттого лорд почувствовал только глухое раздражение. Как смеет кто-то появляться в такой момент и лезть к нему с вопросами!

– Лорд Леонидас, там стоит мой парокар с министерскими знаками, – сквозь зубы ответил он и с досадой вспомнил, что свой револьвер оставил в каре. – Я председатель парламентского комитета по надзору за алхимической деятельностью. И это Я могу Вас спросить, кто Вы и что здесь делаете.

– Да, я видела ваш парокар, – также невозмутимо кивнула девица. Медленно, с явной неохотой, опустила оружие. – Что с мистером Кинзманом?

– Его нет, – поморщился Джеймс, – так кто Вы...

– Рената Лайтвуд, – она убрала револьвер в карман плаща и вошла в зал, – финансовый инспектор Центрального Банка Атлантии. – Рената достала из другого кармана стальной жетон со знаком Банка. – Вы сказали, что Кинзмана нет. Он мертв?

Вблизи Джеймс заметил, что она едва ли старше его. Очень худая. Кожа бледная, вокруг глаз синеватые тени. Как, впрочем, у всех в Лондониуме.

– Вы – фининспектор? – бесцеремонно уточнил он. – На сколько я знаю, ревизорами нашего Банка всегда были суровые джентльмены крепкого телосложения.

– Теперь наш Банк проводит политику гуманизации, – Рената Лайтвуд слегка усмехнулась, что придало ее лицу аристократическую надменность.

– Банк и гуманизм? – Джеймс постарался, чтобы его ухмылка вышла не уступающей по надменности. Доводилось ли ему слышать в высших кругах фамилию Лайтвуд? Он не помнил. – Боюсь, нас ждет финансовый крах.

– Так что с Кинzmanом? – резко оборвала шуточки леди ревизор.

Джеймс снова поморщился:

– Его здесь нет, ни живого, ни мертвого, я обошел все комнаты.

– Он занимался алхимией? – поинтересовалась она, оглядываясь по сторонам.

– Что?...

– Вы сказали, что вы из комитета по надзору за алхимиками, – терпеливо разъяснила девушка, опять напомнив учительницу, – Кинzman занимался...

– В некотором роде, – невежливо перебил лорд. – А Вам-то что от него нужно? Задолженность по кредиту?

Феминистки с их настырностью всегда раздражали Джеймса, а в теперешнем его состоянии, явись перед ним хоть сама королева, он не смог бы оставаться любезным.

Механизм сломался, изъята важнейшая деталь.

Всё рушится к морскому чёрту!

– Эээ... кхем... Тук-тук.

Джеймс и Рената в единый миг замерли и синхронно повернулись к входу.

Их милое уединение нарушил молодой человек весьма неопрятного, но безобидного вида. Одежда потрепана, всклокоченные волосы торчат из под съехавшей на затылок кепки. «Студент, – безошибочно определил Джеймс, едва взглянув на субъекта, – самое дешевое училище. Или счастливый стипендиат». Уж эту братию он узнает всегда.

Рената в первый момент потянулась в карман за револьвером, но и она быстро поняла, что пришелец не опасен. Впрочем, радости на ее лице не прибавилось.

– Бог ты мой, что тут было? – немедленно спросил студент, перешагивая через порог и ошеломленно озираясь по сторонам. По выговору он казался типичным кокни. – А где мистер Кинzman?

– Его нет, – ехидно повторил свои слова Джеймс, – мы его расчленили и закопали в подвале. Вас проводить к нему? – и сам передернулся от собственной шутки. Среди осколков и обрывков на полу ему вдруг померещились темно-красные пятнышки.

Студент замер и вытаращился на него, потом на мисс Лайтвуд. Похоже, он просто потерял дар речи.

Рената раздраженно фыркнула:

– Это мистер Леонидас, он представитель Парламента, я – мисс Лайтвуд, финансовый инспектор, – она продемонстрировала незадачливому парню свой жетон, но долго на сею драгоценность любоваться, конечно, не позволила. – Теперь объясните, кто Вы и что Вас связывает с мистером Кинzmanом?

Студент, наконец, отмер и заморгал как разбуженный:

– Меня зовут Алекс Джонс... Я аспирант университета... – похоже, их должности напугали его не меньше, чем шуточка Джеймса, – мистер Кинzman помогает мне с моим исследованием...

– Каким исследованием?! – резко спросил лорд, в его голове за секунду пронеслась череда самых невероятных предположений.

– Аспирантское...

Но продолжить допрос они не успели. С улицы слышался звук приближающегося мотора и характерный сигнал. Очевидно, кто-то из соседей все-таки телефонирует в полицию.

2. Сахиб

Особняк лорда Леонидаса окружался небольшим, но пышным парком. Одни алхимики знают, чего стоит поддерживать в центре Лондониума столь бодрую растительность!

Джеймс смог оказаться дома только к шести вечера. Полицейские процедуры, даже с учетом его статуса, длились бесконечно, невыносимо, бессмысленно долго. Осмотр места происшествия, подробная опись и фотографирование, затем не менее подробный допрос... то есть, простите, опрос трех свидетелей. «Как вы здесь оказались?», «Зачем вы сюда прибыли?», «Что вас связывало с пропавшим?», «Когда вы видели его в последний раз?». Меньше всего расспрашивали почему-то Ренату. Вероятно, полицейский следователь решил, что банковским работникам совершенно незачем устраивать тайный ночной налет, они могут вынести имущество должника вполне легально.

Аспирант Джонс выглядел крайне смущенным, но при этом сам то и дело норовил задать встречный вопрос мрачным офицерам. Кинзман, будучи добрым другом почти всех преподавателей Университета, помогал Джонсу с его научной работой, что-то по ранним царствам Хиндии, всего лишь... И теперь ученая карьера юного Алекса под угрозой. Какой кошмар!

– Какой кошмар, – вслух произнес Джеймс, входя в особняк.

В его доме, напротив, было тихо и спокойно. Никаких кошмаров. Но молодой лорд понимал, эта безмятежность не продлится долго, ведь он потерял ту вещь. Собственно говоря, покой почтенного дома герцогов Мальборо уже нарушен.

– Сэр, – из боковой приемной показался Огденс, – наконец-то Вы вернулись. Могу я спросить, что случилось с мистером Кинзманом?

Дворецкий выглядел гораздо спокойнее и увереннее, чем утром, выглядел почти как всегда, что не могло не обнадеживать. Но Джеймс давно не позволял себе наивности.

– У него неприятности. Поговорим об этом позже, – сухо ответил лорд. – Где она?

– Миссис Морис устроила юную леди в комнате для гостей, – сообщил дворецкий таким тоном, словно к ним в гости приехала кузина Джеймса из провинции.

– Тоже мне леди, – Джеймс нервно сорвал с шеи платок, – проводите ее в кабинет. Минут через двадцать.

Огденс учтиво кивнул, забрал у хозяина платок и удалился.

Молодой лорд постоял с минуту у входной двери, вслушиваясь в тишину. Окружающий мир продолжал хрустеть и трещать. А скоро может и закровоточить.

Кабинет лорда-председателя парламентского Комитета по надзору за алхимической деятельностью представлял собой небольшой зал: одновременно кабинет с парой тайников, каминная и библиотека с архивом. Одна стена занята коллекционным оружием и колониальными сувенирами. Все необходимое в одной комнате и всегда под рукой. Надежный штаб.

Теперь каменные, обшитые темным деревом стены казались Джеймсу едва ли не иллюзорными, казалось, что всё окружающее вот-вот растворится в воздухе...

Джеймс на минуту замер у стены с оружием. В ходе полицейского осмотра удалось наверняка выяснить только одно: кроме той вещи пропало и то, что Джеймс оставил взамен.

Невольно он перевел взгляд на висящую над столом картину: небольшое полотно с изображением старинного парусника, один из атлантических флагманов былых времен. За картиной скрывается сейф, а в нем – последний «подарок» отца.

Привычный в кабинете легкий запах морской свежести немного успокоил Джеймса. Он сел за огромный стол, выдвинул ящик, достал складное зеркальце и неприметную картонную коробочку.

Из зеркальца на него воззрелся молодой человек явно благородного происхождения. Но благородство это выглядело как приговоренное: угольно-черные волосы за день растрепались и пропитались городским смогом. Вокруг глаз – темные круги, лицо – цвета того же тумана. Впрочем, последнее – отличительная черта почти всех жителей столицы Атлантической Империи.

Джеймс достал из картонной коробочки пузырек темного стекла и маленький стаканчик. Открыл пузырек, начал отсчитывать капли. Одна, две, три... Вид мерно падающих капель болезненно завораживал.

Говорят, капля камень точит. Четыре, пять... Когда-то его не приняли в Адмиралтейское морское училище из-за слабого здоровья. Пришлось учиться в Университете у Адамаса. Нельзя сказать, что это большой урон для репутации молодого лорда, скорее, наоборот, но... Шесть, семь...

– Сэр? – Огденс деликатно заглянул в дверь. – Вы просили пригласить юную леди.

– А? – Джеймс понял, что сбился со счета. – Да, приведите её.

Что толку откладывать неприятный разговор? Наоборот, следует поспешить. Наверное, следует.

Едва Джеймс успел убрать в коробочку пузырек и стаканчик с не выпитыми каплями, Огденс открыл дверь шире, и в кабинет вошла дикарка.

Он видел ее несколько раз у Кинзмана, она помогала в магазине. Джеймс тогда старался не обращать на неё внимание, мало ли кто что привозит себе из колоний... Меньше всего он хотел бы обсуждать со старым антикваром нечто подобное.

– Ты понимаешь атлантический язык? – спросил он, позволив девушке подойти ближе к столу.

– Да, я уже вполне его освоила. Я давно в стране сахибов. И я училась еще в школе в Тэли.

Лорд, не сдержавшись, поморщился. Хиндийский акцент заставлял знакомые слова звучать странно, чуждо, как с изнанки. Однажды он уже такое слушал. И вот опять, даже голос как будто тот же самый!

– Как давно? – уточнил Джеймс то, что его сейчас интересовало меньше всего.

– Полгода, две недели и шесть дней.

Джеймс впился в неё взглядом, словно надеясь прочитывать все ответы у девчонки на лбу. Очень смуглая кожа, темные волосы, темные глаза. Простое суконное платье, какие носят жительницы Лондониума низших классов, смотрелось на её теле нелепо, словно на статуе языческой богини. Только она была не статуя.

В Хиндии Джеймс был лишь однажды. Когда ему исполнилось десять лет, отец, генерал-губернатор герцог Мальборо, взял его и леди Мальборо с собой. Так случилось, что их приезд совпал с восстанием сипаев.

– Что случилось с Кинзманом? – прямо спросил он, усилием воли разжав кулаки.

– На нас напали! – вскинулась она и затараторила: – ворвались в лавку, их было человек десять или даже дважды по десять! Я и Кинзман-сахиб заперлись на втором этаже, а те внизу громили всё и кричали страшные слова, словно демоны! – её собственные слова стали совсем непохожи на нормальный атлантический.

– Помедленнее, – перебил Джеймс, – что за люди, что они кричали?

– Я не знаю, – она по-детски мотнула головой, – я не помню, кажется, что убьют его... Я испугалась, а Кинзман-сахиб велел мне выбраться из окна и бежать к лорду Леонидасу, сыну герцога Мальборо, сказал, что он поможет! То есть, Вы поможете.

– А он ничего не дал тебе с собой? – быстро перебил ее Джеймс, едва сдержавшись, чтобы не спросить прямо про ту вещь.

– Нет, – она еще раз мотнула головой и едва заметно усмехнулась. Совсем как та, другая. Хотя, возможно, ему померещилось.

– А почему сам он не попытался сбежать также через окно?

Мистер Кинзман, конечно, уже не молодой человек, но второй этаж его дома не такой уж высокий и это лучше, чем оставаться в западне и ждать разъяренных бандитов.

– Не знаю, – ответила хиндийка и потупилась, – он только сказал мне бежать, а сам остался...

Разговор бестолково затягивался. Джеймс пытался заставить свои мысли двигаться строем: нужно выяснить, кем она все-таки приходилась Кинзману, что она знает о нем, о его делах? При этом лорд старался не думать, кто, вероятнее всего, были те «демона». Ведь могут же иметься и другие варианты!

Нужно спешить, время утекает, как вода, но воды этой гораздо меньше, чем в Хиндийском океане.

– Я не знаю, что это были за люди, что они с ним сделали, – словно читая его мысли, сказала дикарка, – я просто помогала в работе Кинзмана-сахиба, – в её голосе послышались противно-слезливые нотки, – а за ним давно следили!

– Следили? – Джеймс опять вонзил в неё взгляд. Проклятье, ну почему дикари никогда ничего не говорят прямо и по порядку?

– Да, следили, давно, он говорил, что это люди высокого морского лорда, – опять зачистила она, – он, то есть Кинзман-сахиб, опасался того господина! И говорил еще раньше, что если что-нибудь случится, чтобы я шла к лорду Джеймсу Леонидасу, сыну герцога Мальборо, объяснял, как его найти, сказал, что он, то есть Вы, сможет нам помочь.

Её речь мерно похрустывала, как сухие ветки в огне.

Идея комитетского расследования пришла в голову Джеймсу еще при допросе полиции. Антиквара необходимо – жизненно необходимо! – найти как можно скорее, но только без участия полиции. Найти так, чтобы об этом деле знало как можно меньше посторонних. Чтобы не узнали те, если они еще не знают... Инициировать расследование комитета по надзору за алхимическим делом – и лорд Джеймс Леонидас, сын герцога Мальборо сможет лично контролировать дело.

– Просто помогала, говоришь? – уточнил он, понимая, что хватается за соломинку. – Он допускал тебя к бумагам? Ты вообще умеешь читать?

– Достаточно умею, я ходила в школу в Тэли, я говорила, – повторила она, глядя ему прямо в глаза. В её взгляде не было и тени вызова, только тошнотворная надежда. – А вчера один из людей того господина лорда заходил в лавку и они ругались с Кинзманом-сахибом.

– Сэр, – в дверях опять появился Огденс, очень своевременно, его появление удержало молодого лорда от неподобающей грубости, – смею напомнить, что Вам пора собираться на прием.

– Прием? – Джеймс тряхнул головой, словно ему изменял слух. – Какой прием?

– Но как же! – слегка укорил его старый слуга. – Сегодня торжественный прием в Жемчужном дворце в честь нашей победы.

– О, Боже, – Джеймс на секунду даже забыл о присутствии дикарки и сжал виски пальцами.

Королевский прием, кульминация празднества, весь свет, правительство, министры, королева, друзья и враги, тайные и явные... А ему сейчас хотелось залезть в самый дальний угол и сжаться в комок.

– Что за «господин лорд» за ним следил, он называл имя? – бросил Джеймс, резко вставая из-за стола. – И как зовут тебя, кстати?

– Моё имя Джая Агрэ, Леонидас-сахиб, – ответила хиндийка и изобразила подобие реверанса.

- Называй меня сэр.
- Да, сэр.

3. Обычай

Благодаря сложному механизму вентиляции воздух в Жемчужном дворце был, вероятно, самым чистым в Лондониуме. Но в дни торжеств дышать в нем всё равно невозможно – из-за бесчисленных ароматов, собственно, торжества. Запахи пряностей и свежих фруктов, жареного мяса и старого вина, железа и пороха, модных дамских духов и дорогого заморского табака, запахи недавно выделанной кожи, свежееотпечатанной газеты, запахи успеха, богатства, власти... Обычно это все было для Джеймса упоением, даже несмотря на затрудненное дыхание, но не сегодня.

Он шел по залу сквозь толпу гостей, механически отвечая на приветствия, но ни с кем не останавливаясь и не заговаривая. Такое поведение было очень невежливо и недальновидно, очень вредно для дальнейшей карьеры... Но Джеймс не мог сейчас заставить себя соблюдать приличия, а единственно нужный ему человек всё не попадался.

Вот Лорд-канцлер заметил его и кивнул с важностью не меньше, чем у короля. «Лорд-канцлер руководит Палатой лордов, он же глава судебной власти. Назначается королевой, всегда входит в правительство» – мысленно произнес Джеймс, чтобы хоть как-то успокоиться, вернуть ощущение твердой почвы под ногами, незыблемости всего окружающего.

«Палата лордов формируется путем наследования, состоит из тысячи двухсот шестидесяти человек, но обычно на заседаниях присутствуют не более ста членов» – напомнил он себе. Не считая его самого, тысяча двести пятьдесят девять человек – кто из них?...

Джеймсу следует чаще бывать на заседаниях Палаты лордов. Палата лордов – это и высшая судебная инстанция, особо важные дела в ней рассматриваются небольшой коллегией лордов-юристов. Сея коллегия может пересмотреть решение любого суда в Империи. Например, дать убежище гражданину другой страны и тем самым отменить решение Верховного суда о его депортации.

Возможно, когда-нибудь Джеймс войдет в эту коллегия. Или уже никогда.

Спикер Палаты общин выглядел и вел себя проще, он возник рядом как из под земли и энергично пожал Джеймсу руку. Поздравил с победой. Джеймс поздравил его и поинтересовался, не видел ли он адмирала Джеки? Тот неопределенно махнул вперед.

Парламент Атлантии по праву считается старейшим в мире, а в этом победном для Империи году в Палате общин еще и стали платить депутатам жалование. На взгляд Джеймса – бессмысленное расточительство, но «Трудовая» партия, буржуазно-левые, поборники гарантий прав трудящихся, социальных программ и свободной морали протаскивали-таки этот закон.

Лорд Леонидас ни в одной из двух парламентских партий не состоял, но по убеждениям являлся типичным Консерватором: выступал за традиционные ценности, частную собственность, жесткую мораль, смелую внешнюю политику, одним словом за всё то, что за прошедшие столетия сделало его страну великой.

Впрочем, останавливаться и болтать даже с единомышленниками Джеймс не желал. Ему нужно найти адмирала, хотя он еще толком не решил, что и как будет ему говорить. Может быть, не стоит сегодня, всё-таки праздник, а завтра он официально откроет расследование и... Но в деле Кинзмана нельзя терять ни часа.

В толпе гостей он заметил леди Голди. Элизабет шла под руку со своим отцом, лордом Джорджем Таубманом Голди, нынешним директором Королевского географического общества. Девушка казалась опечаленной, и Джеймс догадывался, что виноват в этом он. Но подходить и извиняться не было времени.

– О, сэр Леонидас, гроза алхимических хитрецов! Рады Вас видеть.

Джеймс резко остановился, лицо его само приняло учтиво-светское выражение. Этого господина нельзя игнорировать, даже если небо упадет на землю.

– Господин премьер-министр, примите и мои поздравления, – он тонко улыбнулся и ответил на рукопожатие, – прекрасно проведенная компания.

– Это наша общая победа, – фальшиво возразил лорд Дин Доланс, покачав седой, но густой шевелюрой. Он был собой очень доволен, несомненно. И, несомненно, имел на то основания. – Но я видел, вы сегодня рано ушли с парада. Что-то случилось?

– Так, небольшие неприятности дома, – пренебрежительно отмахнулся Джеймс, – ничего существенного...

Премьер отечески похлопал его по плечу:

– Мы-то, Консерваторы, знаем, что существенно, а что нет. Как Ваши успехи на новой должности?

– Полагаю, с моей должностью отсутствие громких успехов и есть главный успех, – заметил Джеймс, чуть склонив голову в знак верности долгу, – никаких несанкционированных экспериментов, никаких тайных исследований, никакой неучтенной торговли или скрытого производства. Одним словом, на моем фронте пока всё спокойно.

– Вот, очень точно сказано! – воздел палец к потолку Доланс. – Но на фронте не может всегда царить покой, на то он и фронт. А хороший полководец не будет просто стоять и ждать атаки, хороший полководец знает, как и когда наносить упреждающий удар.

– Что Вы имеете в виду? – беспечным тоном поинтересовался Джеймс, хотя внутренне напрягся еще больше.

Внимание этого человека было важным и ценным, но сейчас... Молодой лорд чувствовал себя лисой, затравленной на охоте, и ждал удара с любой стороны.

Лидер преобладающей в парламенте партии – одновременно премьер, таким образом правительство направляет работу парламента. «Впрочем, нельзя говорить о Правительстве Атлантии так просто» – напомнил себе молодой лорд, всматриваясь в розоватое лицо премьера.

Правительство – государственные секретари, министры без портфеля, замы, младшие министры – обычно около ста человек, в массе своей должности сугубо технические, не заслуживающие особого внимания. Джеймс и не обращал внимания. Всё правительство никогда не собирается и не принимает решений. Собирается его ядро, Кабинет. В разные годы это пятнадцать-двадцать человек. Вот они достойны внимания, хотя Кабинет собирается тоже очень редко, чаще всего в доме премьера.

Существует еще и Внутренний Кабинет. Вот кто заслуживают особого внимания, но Джеймс знал лично далеко не всех из них. Несколько ведущих лиц, пользующихся особым доверием премьера и королевы. Они и принимают решения от имени всего Кабинета, министры получают лишь выдержки из их решений.

Благодаря такому устройству Правительство принимает законы чаще, чем парламент, что и обеспечивает должную устойчивость.

Влиятельнее членов Внутреннего кабинета могут быть только члены Её Величества Почтеннейшего Тайного совета.

– Я имею в виду, молодой человек, что у правительства к Вам будет дело, – сообщил премьер, еще раз хлопнув его по плечу, – вопрос интересов Короны!

– Я весь внимание!

– Ну, не здесь же и не сегодня говорить о работе, – Доланс укоризненно покачал головой, – я свяжусь с Вами на следующей неделе. А сегодня у нас праздник, сегодня наш триумф! – он завидел в толпе гостей еще кого-то и тут же забыл про лорда Леонидаса.

Джеймс остался стоять на месте и думать. Еще вчера, нет, еще сегодня утром такая беседа означала бы для него только одно – перспективу карьерного роста. Но теперь... он уже не был ни в чем уверен.

Невольно проследив взглядом за премьером, он заметил, как тот сердечно беседует с лидером оппозиционной «Партии Труда». Предводитель Оппозиции Её Величества энергично размахивал руками, словно они и сейчас находились в Парламенте.

Джеймс продолжил поиски, бормоча себе под нос: «Парламент вправе вынести вотум недоверия правительству, но в нашем государстве существует конституционный обычай не делать подобного».

Джеймс считал устройство их конституционной монархии совершенным, хотя в Атлантии нет какого-либо единого документа, который можно было бы назвать «конституцией».

«По форме атлантическая конституция имеет несистематизированный характер. Она состоит из двух частей: писаной и неписаной, – мысленно произнес он, как молитву. – К писаной части относятся конституционные акты и судебные прецеденты, принятые в разные годы. К неписаной части относятся конституционные обычаи, нигде юридически не зафиксированные, но регулирующие важнейшие вопросы государственной жизни. Такой обычай, например, как назначение премьер-министром лидера победившей на выборах партии. Королева по закону может назначить премьером кого угодно, но назначает именно победителя. Прочих министров назначает она же, исходя из предложений премьера. По обычаю, а не по закону. И это есть высшая форма традиционализма!».

Но даже в самом совершенном механизме может возникнуть сбой. В любой механизм может проникнуть посторонняя, вредная деталь, которая всё разрушит.

Несмотря ни на что, Джеймс вдруг почувствовал прилив вдохновения. Он живет и служит в величайшей Империи мира, он человек белой расы, его собратья совершали и совершают в мире дела такого масштаба, что иным невозможно и представить! Так неужели он не справится с...

– Война не имеет правил, суть войны – насилие. Самоограничение в войне – идиотизм! Бей первым, бей сильней, бей без передышки! – возвестил крепкий бас совсем рядом.

Первый лорд Адмиралтейства, Джон Арбэт Дишер, адмирал Джеки, как попросту называли его друзья и враги, напористо втолковывал своё виденье военной науки министру иностранных дел.

Человек, плохо знающий Джеки, услышав эти слова, счел бы его банальным солдафоном, непонятно как оказавшимся на столь высокой должности. И совершил бы таким выводом опасную ошибку.

– Согласен с Вами, уважаемый адмирал, но и Вы согласитесь, что в войне важно экономить силы, – куда более сдержанно заметил лорд Бельфур, – если есть возможность, чтобы противники уничтожили друг-друга, или самих себя, то почему бы не воспользоваться этой возможностью?

– Прописные истины, – нетерпеливо закивал Дишер, – но теория и практика не всегда...

Джеймс уже намеревался присоединиться к беседе, как вдруг гомон толпы резко накрыла музыка, и все гости обернулись к дальней стене, где появилась королевская семья.

Её Величество Вероника I, Божией Милостью Атлантии, Эрландии, и Великоатлантских Владений Заморских Королева, Императрица Хиндии, Защитница Веры.

Принц-наследник с супругой и маленьким принцем. Сестры, братья, кузены.

Взойдя на тронное возвышение, королева вышла чуть вперед, к трибуне. Аккуратно сложила ладони на лежащих перед ней листах речи, обвела безмятежным взглядом всех

собравшихся. Черное вдовье платье лишь подчеркивало её элегантность. Королеве Атлантии не нужны перья и блески, чтобы подчеркнуть своё величие.

«Правь, Атлантия, морями» стихла, и владычицу Империи окутала истинно благородная тишина.

Джеймс на мгновение забыл и о Кинзмани, и о дикарке, и о Джеки. Лишь краем глаза заметил, как тот коротко отдал честь. Хотя они сейчас и не на параде, но всё равно перед адмиралом его Верховный главнокомандующий, та, кто объявляет войну и заключает мир. Она же представляет Империю во внешних сношениях, премьер-министр общается с главами других стран только лишь как её уполномоченный.

Кроме того, она – часть парламента наряду с Палатой лордов и Палатой общин. Она имеет право абсолютного вето на любой закон парламента. Она имеет право досрочно распустить парламента.

Она – глава судебной системы.

Она – глава государства, власть исходит только от неё.

А еще королева – глава церкви, наместница Бога на земле.

Вся мощь Империи, воплощенная в одной хрупкой, седоволосой женщине. Как символ маленького острова, покорившего огромный мир.

И будущее её теперь, возможно, зависит от молодого лорда Леонидаса.

– Старая кровопийца, – послышался рядом смутно знакомый голос.

Джеймс резко обернулся, но не заметил никого, хоть сколько ни будь подозрительного.

4. Адмирал

Адмирал Дишер радушно принял Джеймса в своем кабинете в Адмиралтействе. Вчерашнее торжество в Жемчужном дворце закончилось довольно поздно, но Джеки уже с утра был на службе и выглядел на зависть бодро. Моряки всегда отличались отменным здоровьем, без всякой алхимической подпитки.

В такие минуты Джеймс больше всего жалел, что не попал на флот.

– Ты когда-нибудь жалел, что не попал на флот? – поинтересовался Джеки, забирая у секретаря поднос и сам разливая кофе.

Джеймс усмехнулся его проницательности и честно признался:

– Когда вижу Вас, всегда жалею.

Родившегося на Цейлоне в семье плантатора, в шесть лет Джони Дишера, в сопровождении одного лишь гувернера, отправили в Лондониум учиться. В тринадцать лет он уже стал кадетом морского флота и побывал на Крымской войне.

– К черту морскому, – пожелал тот, уселся обратно в кресло и потянулся было к лежащему на столе портсигару. Но на секунду замялся и резко отодвинул коробку с южноамериканскими сигарами.

– Мы с твоим отцом были отличными приятелями, и я тебе скажу, он никогда не считал твою морскую карьеру большим упущением, – Дишер тут же вернул разговор непринужденность, – работа здесь, в правительстве не менее важна. В конце концов, мы все служим одной великой цели, работаем сообща... Попей хотя бы кофе, высший сорт, я сам его привез! Одно жаль, свежий морской воздух пошел бы тебе на пользу.

Джеймс послушно взял изящную чашечку. Кофе на самом деле действовал живоительно: горячий, вязко-горьковатый напиток, попадая в желудок, словно распространялся по венам, заставляя кровь двигаться быстрее. Как и все колониальные товары, попадая в экономику Атлантии, заставляют ее бурлить.

Последняя мысль неприятно напомнила молодому лорду о том, как дорого иногда достаются эти самые товары. И о спрятанной у него в доме дикарке. Он осторожно отставил чашку.

– Как твоя служба, рассказывай, – потребовал адмирал, потирая руки, – я слышал от некоторых местных болтунов, что должность в Комитете по алхимии – просто красивая формальность, как и сам этот комитет. Но ты ведь не так легкомысленен, верно?

– Верно, – почтительно улыбнулся Джеймс. Его должность – это совсем-совсем не «просто», – собственно, вопрос службы привел меня к Вам сегодня.

– Да? – Дишер покачал седой головой, одновременно укоризненно и заинтересованно. – А я-то, было, подумал, ты зашел просто навестить старого отцовского друга.

– Я решил совместить.

– Молодец.

С его отцом, тогда еще будущий Первый лорд Адмиралтейства, прошел две чанхайские компании. Джеймс меньше всего хотел бы испортить отношения с таким надежным союзником.

И в то же время Джеймс чувствовал за непринужденной, почти родственной беседой что-то... У сэра Дишера к нему тоже какое-то дело, и не приди Джеймс к нему сегодня, тот вскоре сам назначил бы встречу.

Какое удачное совпадение!

– Итак, ты решил поприжать кого-то из университетских умников? Я слушаю! – искренне поторопил его Джеки.

– Не совсем, – вздохнул Джеймс. – Вчера утром выяснилось, что Карл Кинзман, владелец антикварного магазина «Три кита», пропал без вести. Магазин разгромлен, очень похоже на ограбление. Некоторые вещи пропали. Сам мистер Кинзман бесследно исчез. Этим делом уже занимается полиция, но возникло подозрение, что Кинзман кроме торговли занимался еще кое-чем, как раз по части моего комитета. Я решил провести своё расследование.

Он внимательно следил за реакцией адмирала. Тот также внимательно слушал его, ничуть не меняясь в лице.

Имеется у Джеки черта характера, не очень свойственная ангризи – излишняя эмоциональность, порывистость, какая-то галльская фамильярность в общении. Плохо знающие Дишера принимают эту черту за основную.

Вековое маневрирование по политической карте Большой земли неизбежно создало знаменитое атлантическое лицемерие. Лицемерие как главное условие выживания. Лицемерие, возведенное в ранг искусства, доведенное до совершенства.

Наивно было бы думать, что Первый лорд Адмиралтейства не владеет этим искусством хотя бы в теории.

– О, я знаю Кинзмана, – неожиданно признался он, – то есть знал... Думаешь, он жив?

– Я лично очень на это надеюсь. Мне стало известно, что днем накануне нападения в магазин приходил кто-то из Ваших людей и о чем-то ругался с Кинзманом, – сообщил Джеймс и взглянул на собеседника с еще большим вниманием.

– Я знаю Кинзмана, – повторил тот со вздохом. Повторил совершенно спокойно. – Многие в свете его знают, у него очень хороший магазин, там можно найти настоящие редкости. Он наверняка связан с нашими алхимиками, ты верно заметил. Всё верно.

Джеймс насторожился. Адмирал, похоже, уходил от прямого ответа. Его старое, порезанное морскими ветрами лицо теряло улыбку и становилось грустно-серьезным.

– А что Вы у него покупали?

– Портсигары, – просто ответил Джеки, – я их коллекционирую, если ты помнишь. Как раз позавчера мой курьер и ходил за таким, – он кивнул на лежащую в стороне коробку с сигарами. Крышку коробки украшали какие-то восточные узоры, выглядела она и правда как типичный товар из «Трех китов».

– Но о чем, позвольте спросить, они ругались? – терпеливо поинтересовался Джеймс.

– Понятия не имею, – пожал плечами адмирал, ничуть не смутившись, – курьер ни о чем таком мне не докладывал. Не представляю, о чем они могли спорить. Я обычно не торгуюсь при таких покупках.

– Что ж, – задумчиво протянул Джеймс. Слова девчонки-хиндийки против слов Первого лорда Адмиралтейства. Есть, что взвесить. – А этот Ваш курьер не заметил ничего странного или подозрительного?

– Мне он ничего такого не говорил, – старик потер лоб и опять стал серьезным, – если хочешь, я сейчас вызову его, он сам тебе расскажет, что видел и что говорил.

– Если Вас не затруднит.

Адмирал на полминуты вышел за дверь, отдавая распоряжение секретарю.

Джеймс нервно потёр переносицу. Это не может быть старый друг отца. Только не он!

– К вопросу об алхимии, – бодро продолжил Дишер, вернувшись за стол, – я почти уверен, что там не всё чисто. Ты ведь знаешь, какие вещи я пытаюсь провести в нашем правительстве, верно?

– Разумеется, – быстро кивнул Джеймс.

Первый лорд Адмиралтейства является сторонником весьма спорных технических новшеств во флоте. Например, перехода на жидкое топливо.

– Жидкое топливо произведет настоящую революцию! – произнес тот многократно повторяемую им фразу. – Нефть – вот наше будущее.

Многие критиковали стратегию Дишера. И больше всего – университетские алхимики и лично профессор Адамас.

– Чем занимаются наши алхимики? – спросил адмирал, резко вскочив с кресла и зашагав по кабинету как по палубе перед боем. – Ерундой! Сочиняют дамские духи, бесполезные пилюли и всякие дурные порошки для бездельников! И на этом наживают свой авторитет. Что они могут создать для флота, они только обещают! Алхимизированный уголь может и горит дольше обычного, но даже он не сравнится с возможностями жидкого топлива! Но фантазии алхимиков, порождённые их же дурманами, очаровывают многих в парламенте.

Он оборвал речь, оперся руками на столешницу и в упор посмотрел на Джеймса. Теперь адмирал совсем утратил свою дружелюбную беспечность, теперь он выглядел тем, кем и являлся – старым морским волком с крепкими зубами. И волк этот готов грызть за свою Империю всех, и вне её и внутри.

Джеймс не мог им не восхищаться. Джеймс не мог его подозревать.

– Укрепляется морская мощь Гермландии, укрепляется морская мощь наших бывших североамериканских колоний, укрепляется морская мощь – страшно сказать! – Барей! – перечислил, словно гвозди забил, Дишер. – Вы, молодёжь, слушали лекции адмирала Мэхэна?!

– Да, – торопливо подтвердил лорд, вспомнив недавние студенческие годы и одного из своих любимых преподавателей. – «Морская мощь – инструмент политики и способ увеличения силы и престижа нации».

– Ты понимаешь, о чем речь, – кивнул Джеки, немного успокоившись и вернувшись в кресло. – Пять ключей замыкают весь мир: Сингапур, мыс Доброй надежды, Александрия, Гибралтар, Довер. Эти пять ключей принадлежат Великоатлантии и пять атлантических флотов будут навеки держать эти ключи. – Он грозно сощурился. – Обещания алхимиков – туман, пустая трата государственных денег, а нефть – это реальность. – Адмирал снова потер чуть взмокший лоб. – Пойми правильно, я не рвусь на войну ради самой войны, как некоторые думают! Но я вижу, что этот бранденбургский пройдоха Бисмарк своё дело знает и делает, а наше дражайшее правительство ему попустительствует. Моя стратегия не покорить Германию, а подчинить ее политику нашим интересам, задушить морской блокадой, направить туда, куда нужно нам. И тогда мы сможем вести войну по своим правилам, а это уже совсем другая война. Понимаешь?

В столице пару лет назад ходили слухи, якобы адмирал Джон Дишер предлагал королеве истребить гермландский флот прямо на верфях, без объявления войны. Слухи никак не подтвердились, но Джеймс бы не удивился, окажись они правдой.

– Итак, – решил подвести итог молодой лорд. Это не совсем то, зачем он приходил, но не менее интересно, – Вы хотите отодвинуть профессора Адамаса.

– Если бы я хуже знал Адамаса, то подумал бы, что он глупец. Но он, похоже, нечто худшее, – мрачно ответил Джеки.

Джеймс легко согласился бы с этим утверждением. Но только следил за Кинзманом не Адамас, а Дишер. По словам хиндийки.

– Кто будет владеть нефтью, тот будет владеть миром, попомни мои слова, – адмирал устремил пылающий взгляд на большую карту мира на стене, – я уже обеспечил поддержку Адмиралтейства нашей Атлант-персидской нефтяной компании. Но персидского региона не достаточно. Надо думать и о других важных точках, о других геостратегических объектах, как я их называю. Нужно думать наперед.

– Я полностью Вас поддерживаю, – честно заверил Джеймс, – но что именно Вы хотите предпринять относительно алхимиков?

– Надо заметить, мои позиции довольно сильны, многие уже разделяют мою точку зрения, – опять ушел от ответа адмирал. – Лорд Бэльфур сказал мне вчера на приеме толковую вещь. Он сказал, что в вопросе Кавказа его интересует только, кто контролирует нефтяные залежи, а местные аборигены могут хоть перерезать друг друга.

– Не слишком-то дипломатично для министра иностранных дел, – усмехнулся Джеймс.

– Зато по делу, – адмирал хлопнул ладонью по столу. – Что касается Адамаса, мы с тобой поможем друг другу. Поверь чутью старого охотника, эта лиса точно знает, где твой Кинзман.

5. «Жесткая верхняя губа»

Курьер адмирала, явившийся через четверть часа, естественно, не видел, не слышал и не делал ничего особенного. И ни с кем не ругался. Поведение мистера Кинзмана и обстановка в магазине в тот день, на его взгляд, были самыми обычными.

После задушевного разговора с адмиралом Дишером Джеймс приехал в министерство. Вошел в свой рабочий кабинет. Сел за письменный стол. Разложив перед собой все бумаги, касающиеся дела Карла Кинзмана. И только тогда, наконец, позволил себе мысль, что дело это мало помалу, по чуть-чуть, но возвращается под его контроль. Но «чуть-чуть» катастрофически недостаточно. Впрочем, было ли оно когда-то под его контролем, еще вопрос.

Кто хочет контролировать других, должен, прежде всего, уметь контролировать себя. «Держи себя в руках» – вот первая и главная заповедь всякого воспитанного ангризи. Восхищение и уважение вызывают те, кто покоряет моря и дальние страны, но прежде каждый из них должен был покорить себя.

С детства Джеймса и его сверстников воспитывали с убеждением, что любые трудности – не повод роптать, а шанс закалить характер. Чем лучше человек владеет собой, тем он достойнее. Достойнее повелевать и управлять.

Человек должен быть капитаном своей души.

Джеймс вспомнил историю о сэре Френсисе Дрейке, рассказанную когда-то еще первым его учителем. Благородный пират преспокойно остался доигрывать партию в кегли, когда ему доложили, что Иберийская армада приближается к берегам Атлантии.

Сохранять «жесткую верхнюю губу», то есть оставаться спокойным хотя бы внешне, а лучше – еще и внутренне.

Внутренне – сложнее.

– Исследуй мир вокруг себя, используй его как тебе нужно и изменяй его для себя, – вслух повторил Джеймс слова другого учителя. – Истинная цивилизация не бывает пассивной.

Но иногда она бывает ужасно беззащитной.

Итак, он еще раз осмотрел все бумаги, касающиеся дела Кинзмана. Все две. Целых два листка.

Еще одним общенациональным свойством ангризи является их тонкий юмор, который особенно проявляется в самых критических ситуациях. Если атлантиец начинает шутить, значит, дело плохо.

Джеймс достал из папки третий лист и написал на нем: «Джеки. Эрландское направление». Аккуратно сложил листок и убрал в портфель.

Затя Дишера выглядела перспективной со всех сторон, но Джеймс вовсе не был уверен, что она решит основную его задачу – найти ту вещь. И Джеймсу была невыносима сама мысль о причастности Дишера. Если даже Дишер, то кому можно верить?.. Но личные симпатии не должны мешать службе, тем более, что это дело для наследника рода Мальборо – больше, чем служба.

А еще премьер-министр. Что он имел в виду вчера на приеме?

Лорд откинулся на спинку кресла, медленно и глубоко вдохнул и выдохнул три раза.

Всё нужно делать по порядку. Первое: отправить посыльного в полицейский участок узнать, получили ли там комитетский запрос Джеймса на ознакомление с конфискованными бумагами Кинзмана. Они конечно же получили, но поторопить этих бюрократов не помещает. Второе: еще раз поговорить с дикаркой. Как бы трудно и нелепо это ни было. Третье: почему Кинзман решил довериться именно ему? Он ведь не рассказывал старому антиквару... больше, чем тому следовало знать.

Неужели Кинзману было известно истинное значение той вещи? Он знал о созданиях, которые, вероятно, за ним явились, и даже не попытался бежать? Как-то бессмысленно.

Джеймс достал из ящика стола пузырек с микстурой и принялся отсчитывать капли. Проклятая хиндийская лихорадка, перенесенная в детстве, теперь будет досаждать ему всю оставшуюся жизнь.

Его отец сказал как-то, что континент – это скопище грязи, дикости, безумия и несметных богатств. На континенте не теряй бдительности. С континента добра не жди.

Те создания тоже когда-то пришли с континента.

– Милорд? – в дверях кабинета возникла голова секретаря. – К Вам посетительница...

– Кто?! – резко вскинулся Джеймс, не дав тому договорить. Его вдруг охватило совершенно дикое желание запустить в неповинного секретаря чем-нибудь тяжелым.

«Интересно, можно ли заразиться дикостью, как лихорадкой?» – мелькнула в голове странная мысль.

– Я сама о себе доложу, не столь уж я важная персона, – решительно отстранив секретаря, в кабинет вступила молодая женщина в сером плаще.

– Мисс Лайтвуд, – без малейшей радости констатировал Джеймс, – приветствую, – и махнул секретарю. Тот поспешно закрыл за собой дверь.

– Полагаю, Вы не рассчитывали меня сегодня увидеть, – усмехнулась она и, не дожидаясь приглашения, уселась в кресло напротив, – увы, не было времени заранее предупредить о моем визите.

Джеймс, если говорить откровенно, рассчитывал вообще никогда ее больше не видеть. Но говорить откровенно, он, конечно, не будет.

– Насколько я знаю, приходить без предупреждения – это часть Ваших служебных обязанностей, – зеркально усмехнулся лорд, – но я, вроде бы, ничего нашему Банку не задолжал. Или?...

Рената Лайтвуд продолжала раздражающе улыбаться. Её безупречное лицо казалось идеальной маской, какой позавидовали бы многие светские дамы.

– Понятия не имею о Ваших финансовых делах, сэра Леонидас. Я сейчас занимаюсь делами мистера Карла Кинзмана. Как и Вы, насколько я знаю.

Джеймс неопределенно повел плечами, стараясь как можно быстрее оценить полученную новость. Кинзмана связывало с «нашим Банком» что-то... что-то большее, чем обычные банковские дела? Но тогда почему такое дело поручили этой девице?...

– Вы обо всех своих клиентах так заботитесь?

– Да, – ответила она, не моргнув. – Я была сегодня утром в полиции, запросила его бумаги.

– Вы можете делать такие запросы? – вырвалось у Джеймса. Он-то хотя бы член Палаты лордов, а она – кто?

– Да, – также невозмутимо кивнула Рената, – и там ничего нет, остались только незначительные бумаги, никак не проливающие свет на его судьбу. Бухгалтерские книги и прочие торговые записи, по-видимому, исчезли вместе с ним. Впрочем, учитывая специфику его товаров, я рискну предположить, что он оставлял на бумаге далеко не всё.

«Далеко не всё», мысленно подтвердил её предположение Джеймс. И снова подумал о той вещи.

– В этом деле на полицию мало надежды, хотя они, конечно, тоже будут работать, – дипломатично заключила Рената, – но мы с Вами им поможем.

– Мы с Вами?!

Меньше всего ему нужно, чтобы в это дело вмешивался кто-то посторонний. Тем более кто-то, столь пронырливый.

– И Вашему комитету и Банку нужно как можно скорее найти мистера Кинзмана, – назидательно и терпеливо, по-учительски произнесла леди фининспектор, – так почему бы нашим ведомствам не помочь друг другу?

– Да, я понимаю, что Вы имели в виду, – демонстративно перебил ее Джеймс, – но, боюсь, дела моего ведомства строго закрыты и...

– Вы полагаете, сотрудники нашего Банка любят раздавать интервью и дружат с иностранными агентами? – точно также перебила его Рената Лайтвуд. – Разве у комитета по надзору за алхимией могут быть дела, противоречащие делам Банка Атлантии? – она хлопнула ресницами, продолжая светски улыбаться. В ее голосе при этом слышалась не то ирония, не то угроза. И что-то еще, совсем неуловимое.

Джеймс смотрел прямо в бледно-голубые, обведенные темными кругами, глаза банковского эмиссара... Кто она такая, морской змей ее проглотит!

– Почему я раньше никогда о Вас не слышал? – непринужденно поинтересовался он, давая таким тоном понять, что ее предложение если еще и не принято, то уже заинтересовало.

– Вероятно, потому, что Вы не имеете долгов. По крайней мере, существенных, – она снова улыбнулась, на этот раз как-то хищно, от чего выражение ее правильного лица стало чуть гротескным.

Джеймс на мгновение подумал, нет ли у неё эрландских родственников. Но выговор у неё типично лондониумский. Впрочем, сейчас это не столь важно.

«Используй мир вокруг себя». Любые ресурсы могут быть полезны. Любые обстоятельства, даже на первый взгляд вредные, можно обернуть себе на пользу. И эта дамочка может быть полезна в его расследовании. Главное, чтобы оно оставалось именно ЕГО расследованием. Главное, держать ситуацию под контролем.

– Время обеденное, – непринужденно заметила она, кивнув на часы, – очень кстати. Я приглашаю Вас на обед.

– Обед? – он явно не поспевал за ходом ее мыслей, и это как раз не способствовало контролю...

– Не пугайтесь так, нас там будет трое, – мисс Лайтвуд решительно встала с кресла, – Вы, я и сэр Родс.

– Родс? – глупо переспросил Джеймс. – Сэмюэль Родс?

– Да. Я договорилась с ним пообедать в ресторане отеля «Георг Великий», он любезно согласился нам помочь.

– Вот так просто? – с недоверием опять переспросили он, стараясь скрыть удивление. На что еще способны сотрудники Банка?

– Ну, сэр Родс, конечно, большая шишка, – Рената иронически воззрилась на потолок, – и мнит себя еще большей. Он, похоже, уверен, что победа над хедгенарами – это его личная заслуга, и больше ничья. Но перед Банком Атлантии все равны.

– Еще бы.

– Идемте же, – она нетерпеливо сунула руки в карманы. Джеймс невольно вспомнил про ее револьвер. – А по пути обсудим наш совместный план.

Лорд нехотя взял со стола два листка и убрал их в портфель.

6. Родезия

Сэмюэль Джон Родс, действительно, сыграл немалую роль в удачном для Империи завершении атлантико-хедгенарской войны. Но еще большую роль он сыграл в удачном начале этой войны. И то и другое теперь делало его одним из самых успешных и уважаемых людей в Лондониуме. Восторг ему выражали все: клубы, газеты, парламент и биржа.

Входя с Ренатой в означенный ресторан, Джеймс вспомнил слова Родса из недавнего интервью «Временам»: «Я поднял глаза к небу и опустил их к земле. И сказал себе: то и другое должно стать атлантическим. И мне открылось, что атлантики – лучшая нация, достойная мирового господства».

– Мисс, вы позволите? – мистер Родс учтиво придвинул Ренате кресло. – Война в далеких краях огрубляет, увы! Надеюсь, я не растерял там своё воспитание.

– Воспитание бывает трудно привить, но потерять его после привития невозможно, – возразила Рената, изящно махнув рукой.

– Очень хотелось бы верить!

– Но даже если Вы его и потеряли там, оно того стоило, – добавил Джеймс, садясь в третье кресло. – Позвольте заметить, для меня большая честь лично познакомиться с Вами.

– О, для меня не меньшая честь лично познакомиться с наследником славного рода Мальборо! – Родс так и лучился радушием, успешностью и щедростью. Воплощенная победа!

Джеймс мысленно напомнил себе, что они пришли сюда не ради обмена комплиментами. Надо выяснить, что за дела были у Сэмюэля Родса с Карлом Кинзманом.

Итак, крупнейшее в мире месторождение алмазов располагается в Южной Африке, как раз на границе атлантической колонии и государств хедгенаров. Алмазная империя Сэмюэля Родса практически заменила собой колониальную администрацию, особенно когда сэра Родса официально назначили губернатором колонии Наэль. Переименовав Наэль в Родезию, он стал еще больше использовать свое положение для расширения разработки полезных ископаемых, даже издал «Акт района Глей-грей», велящий людям из племени коса работать на фермах или в промышленности.

Находясь непосредственно на месте событий, сэр Родс был куда как прозорливее многих чинов в метрополии, он проводил политику расширения их владений в Южной Африке, не спрашивая особого разрешения в Лондониуме. Атлантика нуждалась в опорном пункте на пути в Хиндию. Высокие налоги для иностранцев в хедгенарской Республике мешали атлантической торговле. Но самое главное, невозможно создать пояс атлантических владений от Каира до Кейптауна, пока этому мешают независимые хедгенарские государства.

Сэмюэль Родс, как никто другой, понимал очевидную необходимость войны и всячески подталкивал Лондониум к этому решению.

«Я не мог сделать ничего неправильно: все, что я хотел сделать, выходило верно! Я чувствовал себя Богом – ни больше, ни меньше» – всплыла в памяти Джеймса еще одна фраза из интервью «алмазного короля».

– А я слышал, что хедгенары, будучи всё-таки потомками европейцев, совсем одичали там и уподобились местным аборигенам, – высказал предположение молодой лорд, возвращая меню официанту.

Сам он никогда в Южной Африке не был, но знал, что хедгенары – потомки первых колонистов, занимаются в основном земледелием и скотоводством. По своему образу жизни они напоминают южно-барейских крестьян.

– Если только в смысле запаха... Прошу прощения, мисс! – Родс решительно поднял палец к потолку, призывая себя и Джеймса к серьезности. – Но не в военном смысле! В воен-

ном смысле они доставили нам немало хлопот, не думайте, что наши войска были там на увеселительной прогулке... Кроме того, на стороне хедгенаров воевали многие народы, завидующие силе и величию Атлантии. Конечно, это были всего лишь наемники или добровольцы, но всё же их нельзя не учитывать.

Джеймс понимающе кивнул. Незадолго до поражения в войне президент хенгенарской Республики Пауль Крэггер приезжал в Европу, где пытался добиться вмешательства европейских правительств. Безуспешно, само собой.

– Но, если смотреть с другой стороны, эта война немало привнесла и в саму военную науку. Я осмелюсь заявить, что у нас появился новый вид войск – одиночные, хорошо замаскированные стрелки. При должной тренировке и удобной позиции такой солдат может стоять доброго отряда! – Продолжил Родс, строго осмотрев поданное мясо. – Еще, например, наше командование использовало так называемую «тактику выезженной земли», это означает сплошное уничтожение всех гражданских объектов. Эффективнее всего проводить такие действия в ночных рейдах. Такая борьба с партизанами партизанскими же методами. Мисс Лайтвуд, вам не скучно с нами? Похоже, я всё-таки забыл, как вести себя в присутствии леди! – Он довольно усмехнулся и отправил в рот кусочек бифштекса.

– Ничуть! – жизнерадостно заверила его Рената, берясь за свое блюдо. – Я просто перевожу всё, что вы говорите в денежный эквивалент и мне становится еще интереснее. К слову о партизанах, я слышала, что вы там изобрели какой-то еще более действенный и простой способ противодействия им.

– О, этим делом занимались мои уважаемые партнеры, лорд Китченер и лорд Милтон, – кивнул Родс, – но, насколько я знаю, это не совсем их изобретение, что-то подобное уже практиковалось в наших бывших североамериканских колониях, во время их так называемой «гражданской войны». Суть приема заключается в том, чтобы концентрировать местное не воюющее население в специальных лагерях, тем самым исключая их контакты с партизанами. В то же время партизанов деморализует такое положение их родственников. Мы называли эти лагеря «Места спасения», что существенно облегчало работу. Любезный! – он махнул официанту. – Подайте вино.

– Звучит весьма практично, – заметил Джеймс, прикидывая, как бы уже перейти к делу антиквара. Про успехи их военных он был наслышан, и сейчас они его мало занимали.

– О, крайне эффективно, – еще раз заверил его Родс, – стоит ввести практику таких лагерей и в других наших владениях.

– «Империя – это вопрос желудка», – непринужденно процитировал Джеймс, тоже оценив кухню «Георга».

– Да, я всегда так говорю, – признал «алмазный король», забирая у официанта бутылку и сам разливая вино по бокалам. Густая, багровая жидкость. – Мир почти весь поделен, а то, что от него осталось, сейчас делится, завоевывается и колонизируется. Как жаль, что мы не можем добраться до звезд, сияющих над нами в ночном небе! Я бы аннексировал планеты, если б смог, я, признаться, часто думаю об этом. Мне грустно видеть их такими ясными и вместе с тем такими далекими...

– А вы романтик! – воскликнула Рената, принимая бокал.

– Только исключительно в приятной компании. Но, говоря серьезно, любой мастеровой должен осознать, что пока он не овладеет мировыми рынками, он будет жить впроголодь. Производитель должен понять, что, если он хочет жить, он должен держать в своих руках мир и мировую торговлю и что он – конченный человек, если даст миру выскользнуть из своих рук. – Родст торжественно встал. – Позвольте тост! За наш общий успех и за каждого, кто к нему причастен! И за королеву!

Бокалы мелодично звякнули. Вино оказалось превосходным, впрочем, другого Сэмюэлю Родсу и не подали бы.

– Знаете, я подумываю создать особое Имперское общество, – признался он, возвращаясь к мясу, – что-то вроде неформального клуба верных рыцарей Её величества, которые будут всесторонне продвигать интересы нашей великой державы.

При словах «общество» и «рыцари» Джеймс невольно вздрогнул и перестал жевать. Но Родс, похоже, имел в виду что-то своё.

– Всесторонне: предприниматели, финансисты, деятели культуры – бойцы разных фронтов, но одной армии, – пояснил он, довольно заметив реакцию лорда, – а что касается мистера Кинзмана, который вас интересует...

Он так резко перевёл тему, что Джеймс опять едва не поперхнулся, на этот раз вином. Рената сохраняла завидное спокойствие, лишь заинтересованно кивнула.

– Да, он брал у меня в долг названную вами, мисс Лайтвуд, сумму под означенный процент, около полутора месяцев назад, да. И да, почти сразу перевел её на счет моего партнёра в качестве оплаты за один из наших трофеев.

– Что за трофей? – живо уточнила Рената.

– Ох, вот тут затрудняюсь помочь, – с искренней досадой вздохнул сэр Родс, – какая-то африканская редкость, кажется, даже из личной коллекции Крэгера. Такие штуки охотно покупают столичные коллекционеры. Надо заметить, что я и Кинзман сотрудничали через посредника, Джозефа Риплинга, это военный корреспондент «Времен», еще он занимается синематографом, снимал на пленку наши успехи. Очень толковый молодой человек! Он связался со мной в Родезии, когда война уже, по сути, подходила к концу, и сообщил о затруднениях нашего общего знакомого. Сделку мы совершили в местном отделении Банка. Мистер Кинзман – уважаемый в обществе джентльмен, он обладает надежной деловой репутацией, и я счел своим долгом... дать ему в долг, хе-хе.

– И это всё? – резко переспросил Джеймс, не в силах скрыть разочарование. – У Вас есть предположения, что с ним могло случиться?

– Увы, – тот лишь пожал плечами, – последний раз я виделся с ним лично еще до войны, когда бывал в столице.

Джеймс метнул холодно-испепеляющий взгляд на Ренату. Тоже, нашла ценного свидетеля! Но она, кажется, даже не заметила его злость.

– А что было дальше с тем трофеем? – уточнила она.

– Насколько я знаю, Риплинг сам взялся его доставить в Лондониум, – кивнул Родс, – стало быть, они оба – военкор и трофей уже давно здесь. Если опять куда-нибудь не отбыли. Вам стоит с ним поговорить, да. В смысле, с военкором, а не с трофеем, хе-хе, – похоже, вино делало грозного промышленника большим шутником.

– Обязательно, – мисс Лайтвуд расцвела еще одной обворожительной улыбкой, – Вы нам очень помогли!

Завершился обед совсем уж бесполезной болтовнёй.

Когда они, наконец, распрощались с «алмазным королем» и направились к парокару Джеймса, лорд чувствовал себя как один из рабочих алмазных шахт после трудового дня. Только за этот день он не нашел ни одной ценной крупинки.

– В этих «местах спасения» умерло более двадцати шести тысяч, – вдруг холодно заметила Рената, – в основном это было сельское население, много женщин и детей.

Джеймс рассеянно пожал плечами:

– Они приняли сторону партизан, война есть война.

– Да, пожалуй, – также холодно согласилась она.

– Как насчет остальных ваших свидетелей? – он прислонился к боку кара и скрестил руки на груди. – Они будут также «информированы»?

– Не бывает совсем бесполезных свидетелей, – презрительно фыркнула мисс Лайтвуд, её лицо окончательно потеряло светскую беззаботность. Но осталось непроницаемым. –

Родс вывел нас на корреспондента, а репортер – это всегда полезно. Я узнаю сегодня же, где он и постараюсь договориться с остальными. А какой Ваш вклад в общее дело?

– Могу Вас подвезти, – скривился лорд, понимая, что доля справедливости в её вопросе есть.

– Не стоит, я люблю ходить пешком, – сообщила она и, более не прощаясь, перешла на тротуар.

И почти мгновенно скрылась в тумане. Будто и не было.

Джеймс сел в парокар, сложил руки на руле и опустил на них голову. Глубоко вздохнул. Попытался упорядочить мысли.

Итак, список Ренаты: те, с кем Кинзман в последнее время вел дела через Банк. Этот корреспондент, Джозеф Риплинг. Список тех, кого смог выявить Джеймс с помощью хиндийки, весьма сомнительный список, но всё же.

Почему Кинзман отправил дикарку именно к нему? Логичный ответ только один – он знал гораздо больше, чем говорил. Но почему тогда не передал с хиндийкой ту вещь? Просто не успел или?...

Последние полгода были, пожалуй, самыми тяжелыми в жизни Джеймса. Тяжелее даже тех дней, когда они с матерью, подхватившие лихорадку, лежали в раскалённой крепости, а половина Хиндии превратилась в истинный ад. Но тогда он почти не осознавал, что происходит, а теперь – осознаёт.

Джеймс поднял голову и решительно завел мотор. Первое, что он должен сделать сейчас – это выяснить всё, что можно о фамилии Лайтвуд.

7. Посланник

На улице Пенн-мэл стоят строгие особняки без особых опознавательных знаков. Их единственные знаки – их номера. Но все в Империи знают, главное на Пенн-мэл – это не фасады, а то, что за ними.

«Место, где можно молчать или дремать в компании интереснейших людей» – вспомнил Джеймс известный каламбур и усмехнулся. Кивнул швейцару и прошел в первую гостиную.

Клубы для джентльменов. Конечно, про «молчать и дремать» было преувеличением. Еще говорят, что «нет ничего, что не могло бы быть решено в течение часа за рюмкой шерри в клубе». Но в клубах на Пенн-мэл ведутся не какие-то примитивные переговоры как на бирже или в Палате общин. В клубах на Пенн-мэл творится высокое искусство, доступное лишь немногим.

В клубе «Белый щит» Джеймс знал почти всех завсегдатаев. Еще будучи школьником он иногда приходил сюда с отцом.

– О, милорд Леонидас! – прямо на пороге курительной комнаты его встретил не кто-нибудь, а главный редактор газеты «Времена», Джо Баглз. Официально, первый сплетник Империи. Из публичных персон, разумеется. – Давно! Давно мы Вас здесь не видели!

Что ж, на ловца и зверь бежит, как говорится. Джеймс усмехнулся про себя: кто из них сейчас больше охотник, а кто добыча?

– Ну, не так уж и давно, – уклончиво возразил он, позволяя увлечь себя к столику с напитками. – Службе тоже необходимо уделять внимание, согласитесь! – Посещением клуба на Пенн-мэл Джеймс никогда не пренебрегал, пусть Джо не врет. В некоторых случаях посещение Пенн-мэил может быть даже более важным, чем посещение их главного клуба – Палата лордов. – Вижу, сегодня здесь оживленно.

Оживление в клубе джентльменов являло собой негромкие разговоры в небольших группках по три-четыре человека. Вежливость и благодушие, спокойствие и учтивость. Процесс совмещения интересов правящих кругов. Изысканный танец.

– Еще бы! – Баглз лихо подкрутил тонкий ус, словно бывалый вояка. – Но сейчас все разговоры о войне, да еще о том, что в конце месяца Бельфур дает прием. Вы приглашены?

– Разумеется, – соврал Джеймс, приглашение от министра иностранных дел ему еще не поступало. Но лорд и не сомневался, что в ближайшие дни такое приглашение будет. – А как Ваши дела, всё горите на работе?

– Не жалуюсь, – заверил газетчик. Еще бы ему жаловаться! – Тржусь на благо общества. Знаете, меня тут о вас спрашивали...

– Я хотел бы Вас спросить...

Последние фразы они произнесли почти одновременно. Это прозвучало как грубая фальшь посреди великолепной симфонии. Оба дернулись, на мгновение потеряв лицо, но тут же оба рассмеялись:

– Так что Вы хотели...

– Нет, сначала Вы!

– Что ж, извольте, – мысленно ругая себя за оплошность, всё-таки согласился Джеймс, – меня интересует, известно ли Вам что-нибудь о семействе Лайтвуд?

– Хм. Лайтвуд? Хм, – Джо крепко задумался, шевеля бровями.

Джеймс вежливо ждал, разглядывая золотистую жидкость в бокале.

«Атлантия управляется через разветвленную сеть личных контактов и связей. Это самая скрытая система правления в Европе, – вспомнились вдруг слова отца, когда-то сказанные при входе в этот зал. – Мы все – пауки, плетущие общую, одну на всех паутину, кото-

рая удерживает всё: от фабричных рабочих до заморских владений. Ты должен научиться использовать эту паутину и одновременно поддерживать её».

Профессор Адамас называет клубы джентльменов «атрибутом классовой системы» и «узаконенной дискриминацией». Но где бы он сам был со своим Университетом, если бы не их изящная работа! Джеймс раньше просто не понимал логику ректора-алхимика, но в последние месяцы и, особенно, после разговора с адмиралом Дишером...

– Нет, увы, это имя мне не знакомо, – нехотя признался Баглз и спросил уже с профессиональным интересом, – а откуда Вы его знаете?

– Мне довелось познакомиться с финансовым инспектором по такой фамилии, – осторожно ответил лорд, прикидывая, у кого бы еще спросить. Но если Джо Баглз не знает, то кто может знать?!

– Ах, фининспектор... Это сугубо непубличные господа, – с явным сожалением вздохнул редактор, – как практически все сотрудники Банка. Даже главный управляющий редко появляется в свете. А у Вас, простите, какие-то финансовые затруднения?

– А как Вам несчастье с этим антикваром, мистером Кинзманом? – Джеймс учтиво качнул головой, просто проигнорировав последний вопрос.

– Да, – кивнул в ответ Джо, чуть помрачнев, – странное дело. Впрочем, с другой стороны, не такое уж и странное.

– Почему? – как можно более непринужденно спросил лорд, – Вы уже что-то выяснили?

– Увы, не более, чем слухи и сплетни, – вздохнул редактор с притворной скромностью, – магазинчик мистера Кинзмана, что называется, широко известен в узких кругах. И далеко не все его сделки были полностью законны. Где, как, у кого и для кого он доставал свой товар, бог весть...

Джеймс понимающе кивнул. Если Джо и знает что-то конкретное, то вовсе не собирается делиться этими сведениями с лордом Леонидасом. Не те связи.

– Вы сказали, меня здесь кто-то спрашивал?

– Да, какой-то джентльмен, кажется из министерства финансов, – Баглз внезапно смутился и замялся, – кажется я и его не знаю, по крайней мере, в лицо, а спрашивать мне показалось неудобно.

– Он здесь? – глухо перебил Джеймс.

– Да, вон там сидит, – редактор указал на самый дальний угол зала, – Вы меня не просветите на счет...

Но Джеймс уже не слушал его.

В курительном зале установлена хорошая вентиляция, но ему все равно было трудно дышать, не только из-за сигарного дыма. И с каждой минутой становилось всё труднее.

Джеймс пошел сквозь дым-туман, и ему казалось, что он с трудом прорывается сквозь липкие нити. Паутина. Только он уже не паук, а глупая муха.

Джентльмен с незапоминающимся, буквально никаким лицом сидел в кожаном кресле и листал свежую газету.

– Добрый день, Уил, – негромко произнес Джеймс, садясь в кресло напротив, – рад Вас видеть.

– А по-моему, пока нет поводов для радости, – безвыразительно произнес тот, не подняв взгляда от журнала, – итак, Вы потеряли ту вещь.

Джеймс с трудом перевел дыхание и сглотнул. Казалось, что у него в горле застрял комок дыма.

Человек в кресле все-таки поднял на него взгляд. Бесцветно-дымчатые глаза, взгляд впивается, как жало.

– Все наши рыцари очень встревожены, – тихо произнес тот, – Вы потеряли истинно бесценную вещь. Вы хотя бы понимаете, что это, вероятно, была наша единственная надежда на победу?

Холод. Нечеловеческая холодность – вот, пожалуй, единственная запоминающаяся черта этого джентльмена. Холод и стальной взгляд. Но он – друг. По крайней мере, Джеймс очень на это надеется.

Молодой лорд постарался собрать вместе всё самообладание, доставшееся ему от предков и приобретённое самостоятельно, и ответил:

– Это всего лишь временная трудность, я найду ту вещь. Но мне кажется, что её и Кинзмана похитили... они. Возможно, мне понадобится помощь других рыцарей.

Человек в кресле чуть сощурился, но общее выражение его лица так и осталось надменно-равнодушным:

– Это, прежде всего, Ваша миссия, – произнес он, – надеюсь, Вы не забыли, что предыдущий мистер Ди погиб ради этого?

– Я не забыл, – жестко ответил Джеймс, произнося скорее для себя, чем для собеседника.

Когда этот «серый» господин полгода назад впервые явился к наследнику Мальборо, то представился просто Уилом. Потом объяснил, почему не может назвать своё полное имя. Джеймс мысленно прозвал его Посланником.

– Рыцари защитят Вас от них, если это действительно понадобится, – холодные бесцветные глаза вдруг сверкнули чем-то горячим. Или это был просто отблеск лампы?

– А сейчас, Вы полагаете, мне защита не понадобится?

– Защита, так или иначе, нужна всем нам. Всей стране, каждому из нас. А прежде всего королеве, – отчеканил Посланник, резко сложив газету, – все мы в опасности, пока нет той вещи! Ищите наше оружие. А еще ищите того человека, который помогал бывшему мистеру Ди.

Джеймс молча встал, развернулся и пошел к выходу. Капли холодного пота попадали в глаза, дыхание окончательно сбилось.

Та вещь. Ему нужна та вещь. Им всем нужна та вещь.

У самого выхода он столкнулся с веселым и слегка нетрезвым Сэмюелем Родсом.

– О, лорд Леонидас, и Вы здесь! – ухватил его за плечо «алмазный король». – Что же Вы не сказали, что собираетесь в клуб, мы поехали бы вместе!

– Мне надо было проводить леди, – ответил Джеймс, с трудом разлепляя губы.

– Леди? Хе-хе, как Вы всё успеваете? – Родс ничуть не обиделся, он, казалось, сейчас любил весь мир. – Мы с герцогом Мальборо буквально час назад обедали вместе, – пояснил он кому-то из окружающих и опять повернулся к Джеймсу, – а Вы что, уже уходите? Оставайтесь, я как раз собираюсь изложить свой план Имперского общества, о котором Вам говорил.

– Увы, служба, – пробормотал Джеймс и вдруг крепко перехватил руку Сэмюеля, – простите, мистер Родс, за обедом мне было неудобно спросить, но сейчас я бы хотел уточнить... Вы раньше были знакомы с мисс Лайтвуд?

Родс на секунду замер и пару раз моргнул, словно филин:

– Мисс Лайтвуд? – повторил он. – А кто это?

Настала очередь Джеймса на мгновение потерять дар речи:

– Рената Лайтвуд, фининспектор из Банка. Мы обедали втроем час назад, помните?

Родс посмотрел на него с непониманием, потом с каким-то нагловатым лукавством:

– Мы с вами обедали, это я помню, я рассказывал вам про дела с Кинзманом. А с леди Лайтвуд, кем бы она ни являлась, Вы были в другом месте и в другое время, без меня, – он

дружески похлопал молодого лорда по плечу, – похоже, вино за обедом ударило вам в голову, мой друг! Но, в любом случае, если она действительно фининспектор, я не советую...

– В другое время?! – дернулся Джеймс, словно его ударило электричеством.

Но Родс уже не слушал, он увидел кого-то в гостиной и устремился туда, увлекая за собой всех окружающих.

Джеймс вышел на улицу и механически побрел к своему парокару.

8. Старое и новое

Центральный Банк Атлантии – учреждение старое, тихое и безупречное. Образованный вскоре после Доброй революции, за минувшие уже более двухсот лет, он не имел сбоев в своей работе. По крайней мере, таких сбоев, которые вышли бы за его стены. Стены эти, точнее, здание, совершенно глухое, как единый древний монолит, окруженное решёткой, воплощало собой принципы работы Банка: полная конфиденциальность, как для клиентов, так и для служащих. Нигде и никогда не публиковались даже фотоснимки внутри здания Банка.

Управляющий и члены совета директоров не посещают клубы джентльменов, их редко увидишь на каком-то приеме, а если и увидишь, то едва ли узнаешь, кто это.

Джеймс остановил парокар напротив строгого здания и поймал себя на мысли, что он бы точно не узнал их, он даже имя нынешнего управляющего не помнил. Но ведь лишних знаний не бывает, когда же лорд Леонидас решил, что знания о сотрудниках Центрального Банка Атлантии – лишние? Просто не мог представить, что сотрудники Банка замешаны?... Само собой, не все, но может же так быть, что кто-то незаметный...

Конечно, самому врываться в здание за железной оградой не было смысла, нужно отправить какой-то запрос, как-то выяснить, служит ли у них вообще фининспектор по имени Рената Лайтвуд. Слишком уж «вовремя» она появилась в магазине Кинзмана.

Как и в какой форме навести о ней справки, не привлекая лишнего внимания, Джеймс пока не знал, но сделать это нужно как можно скорее.

Он завел кар и направился домой.

Всё нужно было делать как можно скорее. Скорее самому посмотреть бумаги Кинзмана, конфискованные полицией. Скорее попытаться, минуя Ренату Лайтвуд, получить из Банка сведения о делах пропавшего антиквара, хотя, лорд понимал, что этого он вряд ли добьется. Скорее еще раз поговорить с Джо Баглзом, очень может быть, что среди его «сплетен» найдется что-то полезное. Стоило больше пораспрашивать о Кинзмানে еще вчера в клубе. Но недовольство и требования рыцарей только привели Джеймса в еще большее смятение. Из-за своих малопонятных внутренних правил, они не желают ему помогать. А ведь эти люди могли бы...

Джеймс решительно отогнал бесполезную панику. Думать о деле, только о деле.

Как можно скорее найти нить к Тайной Службе. Эта перспектива вызывала не меньше сомнений, чем Банк, но зато таила в себе почти необозримые возможности. Тайная Служба, «Самая тайная Служба в мире», как шутили столичные остряки. Здание штаб-квартиры без вывески, мундиры, которые крайне редко кто-то видит, тайные агенты и скрытые связи по всему миру. Внутренняя иерархия, все особенности которой знает, наверное, только королева, да еще, быть может, премьер. И это при том, что на официальном уровне само существование сей конторы просто отрицается. Здание есть, финансирование есть, люди, пусть и такие же, как служащие Банка, невидимые, есть, а признания факта их существования – нет.

В такой организации что-то должно найтись и на скромного владельца магазина «Три кита»! А может быть даже и на еще более скромного, почти незаметного фининспектора. Только вот как подступиться к этой «вещи в себе и повсюду», Джеймс не имел понятия.

Рената, кем бы она ни была, заявила, что они опросят всех, у кого были с Кинзманом заслуживающие внимания финансовые дела. Таких, по её мнению, кроме уже опрошенного Родса, было всего двое: торговый агент Восточно-Хиндийской Компании и клерк «Банка Ротбарта».

По сравнению со всей этой неопределенностью, затея адмирала Дишера выглядела более чем заманчивой. Джеки уверен, что ректор Адамас может что-то знать о Кинзмане. Но Джеймс пока не видел даже признаков их знакомства. Что, впрочем, не исключает из списка подозреваемых господина профессора, главного пацифиста Империи. И уважаемого адмирала – тоже. У него-то были дела с антикваром, едва ли Джеймс поверит, что дела эти касались только покупки портсигаров. Как бы ему не хотелось поверить!

Предложенный Дишером небольшой заговор придется очень кстати, организовав его, Джеймс сможет куда свободнее беседовать с обеими сторонами.

А вот от дикарки не было никакого прока! Пока она приносила только безотчетное раздражение и обжигающие страхом воспоминания.

Уже у самого особняка, рассеянно взглянув на свой, как всегда, безупречный дом, он вдруг почувствовал необъяснимую тревогу, будто сегодня его ждет еще одно испытание. «Мой дом – моя крепость», говорят в Атлантии, а он всё меньше и меньше чувствовал себя спокойно в собственном доме. Его крепость – не более чем иллюзия надежности.

Еще в Атлантии говорят: живя в стеклянном доме, не бросайся камнями...

Джеймс вошел в холл. Ни Огденс, ни миссис Морис его не встречали. Зато из гостиной слышались негромкие голоса и позвякивание фарфора. Лорд пошел на звуки. Через несколько секунд он узрел довольно идиллическую и одновременно отдающую безумием картину. Огденс опустил на чайный столик поднос и неторопливо разливал чай в две чашки. Тем временем двое сидящих в креслах людей – хиндийка и светловолосый молодой человек в дорожном костюме – по видимому, светски беседовали.

– Да, мисс, это у нас называется «старый школьный галстук», – сообщил ей молодой человек, переведя взгляд на вошедшего хозяина, – добрые друзья обычно его хранят. Но не все, – он ухмыльнулся и откинул волосы со лба тошнотворно знакомым движением.

– Прошу прощения, сэр, – Огденс неловко обернулся, едва не толкнув чашку, – милорд Спенсер только что прибыл и хотел бы...

– Одиноким, всеми гонимым бродяга хотел бы попросить временного приюта в сем благородном доме, – сообщил единственный сын графа Гелифакса, оставив свою чашку и для большего эффекта разведя пустые руки, – говоря проще, мои отношения с родителями всё еще не идеальны, так что я поживу у тебя какое-то время. Ты же не прогонишь одноклассника, тем более родича?

Джеймс невольно отметил, как давно он не слышал такой чистый итонский акцент. В Атлантии по манере говорить можно угадать не только место рождения, но и место учебы.

Огденс, сочтя свои обязанности выполненными, тактично посторонился. Хиндийка смотрела на всю эту сцену с простым, нескрываемым любопытством, какое только и бывает у детей и дикарей.

– Чудесно, – процедил Джеймс, вышел из гостиной и направился к себе в кабинет.

– Джентльмены так себя не ведут! – донеслось ему в след укоризненное замечание Седрика.

Граф Гелифакс приходился троюродным братом матери Джеймса. Джеймс и Седрик учились вместе в школе и первые два года в университете, так что замечание про «старый школьный галстук» было вполне справедливым. Точнее, учился больше Джеймс, а Седрик просто наслаждался жизнью. Потом Седрика исключили из университета, но он, судя по всему, продолжил наслаждаться жизнью. В своём понимании. Разумеется, добром это кончиться не могло.

От Седрика следовало держаться подальше, всегда. Но у Джеймса всегда получалось наоборот. Джеймс мог бы назвать Седрика самым близким другом. Пожалуй, даже единственным другом, если понимать дружбу в неформальном смысле, то есть за пределами

джентльменских клубов. Друг, несмотря на все расхождения во взглядах и убеждениях, несмотря... ни на что!

Но дружба эта продолжалась ровно до тех пор, пока те самые расхождения не дошли до такой степени, что игнорировать их Джеймс уже не мог. Кузен просто не понимал элементарных вещей. Не понимал слова «нет», не понимал, что некоторые вещи должны остаться в прошлом и быть забыты раз и навсегда.

И, конечно же, только Седрик мог выбрать настолько неподходящий момент для возвращения!

Не прошло и пяти минут тишины, как в дверь кабинета тихо постучались.

– Войдите, Огденс, – вздохнул лорд, не сомневаясь, что «дорогой» гость не стал бы стучать.

– Сэр, еще раз прошу прощения, если вся эта ситуация доставила Вам неудобство, – невозмутимо произнес дворецкий, подходя к столу и что-то протягивая.

– Ничего страшного, имея дело с виконтом Спенсером... А это что?

– Письмо, сэр, – пояснил Огденс, передав конверт, – сегодня я нашел его вместе с остальной почтой. Адресовано Вам, но без обратного адреса.

– Вижу, – Джеймс нахмурился, на секунду даже забыв о Седрике и о том, что тот сейчас болтает с хиндийкой, – кто его принес, Вы или миссис Морис, не заметили?

– Сожалею, сэр, но нет.

– Можете идти.

Джеймс распечатал конверт, почти не задумываясь. Анонимное послание – именно то, чего в его положении не хватало. Как вишенка на пирожном.

«Приветствую Вас, милорд Леонидас!

В первую очередь позвольте принести Вам свои извинения за то, что не называю своего имени! Это вынужденная мера, и я искренне надеюсь, что мы с Вами вместе преодолеем обстоятельства, из-за которых я скрываю своё имя. Спешу также уверить Вас, что мои намерения исключительно дружеские, и только лишь желание Вам помочь побудило меня написать это и последующие письма.

Признаюсь, мне известно, что Ваше расследование дела антиквара Карла Кинзмана вызвано не только и не столько его, якобы, алхимической практикой. Кроме того, смею сообщить, что мне известны некоторые сведения, касающиеся дел Вашего отца, чью память я глубоко уважаю. Дел, напрямую связанных с упомянутым выше мистером Кинзманом. Сведения эти весьма давнего происхождения и, по содержанию своему, имеют большое значение как для Вас лично, так и для всего нашего общества и государства.

Еще раз прошу прощения за столь загадочное изложение, но, повторюсь, я не имею возможности пока выразаться яснее. Основная цель моя – помочь Вам отыскать мистера Кинзмана, живого или мертвого.

В последующих письмах я постараюсь более ясно изложить свою позицию, но главная задача моих посланий – это указать Вам на лиц, имевших с мистером Кинзманом дела особого характера и могущих помочь Вам в Ваших поисках. Первое такое лицо – Арнольд Симонс, торговый агент Восточно-Хиндийской Компании. По моим сведениям, он сейчас в Лондониуме, но советую Вам поспешить, так как он, возможно, снова уедет по делам Компании. Особенность его с мистером Кинзманом дел заключалась в том, что Симонс отыскивал для Кинзмана в глубинах Чанхая товары...».

– Послушай, Джей, я, конечно, предполагал, что ты будешь не рад меня видеть, но зачем же это так демонстрировать, да еще в присутствии слуг? – Седрик, само собой, без стука вошел в кабинет, держа в руках уже не чашки с чаем, а два бокала с шерри.

– Прости, – Джеймс вздрогнул и машинально отложил письмо, – я просто не ожидал тебя здесь увидеть. И мне сейчас, честно сказать, не до приемов гостей.

– О, я должен был догадаться! – Седрик трагически закатил глаза. Он всегда так делал, желая выразить пренебрежение. – Служба, долг, обязанности. За королеву! – он залпом выпил один бокал, а второй поставил перед Джеймсом.

– Рад, что ты понимаешь, – язвительно отозвался тот, даже не взглянув на выпивку, – а тебя, значит, уже выпустили из тюрьмы?

– Ты, видимо, запомнил, суд меня полностью оправдал, так что мои страдания ограничились добровольной ссылкой в чужих краях. Но спасибо, что спросил!

Джеймс не запомнил, ему просто очень хотелось как-то выразить свою «радость» от встречи.

Тяжело вздохнув, он присмотрелся к гостю повнимательнее. Седрика не было в Атлантике неполных три года. Но, судя по всему, он не изменился. Даже внешне: его лицо осталось по-лондонски бледным, никакого юго-восточного загара или следов морского ветра. И нравы его, вероятно, тоже не изменились.

– Не заметно, чтобы ссылка послужила твоему исправлению.

– О, ты даже не представляешь, насколько я изменился! – Седрик воззрился на коллекцию оружия на стене и присвистнул. – Не дурно. Только странно, что ты не пожертвовал всё это разнообразие в наш Музей.

– Если ты так изменился, почему не хочешь жить у родителей? – Джеймс упрямо не желал любезничать. Он не мог понять, рад он всё-таки видеть этого безумца или нет?

При этом Джеймс пытался незаметно дочитать письмо, но листок располагался слишком неудобно.

– Они еще не знают, как я изменился, – вздохнул однокашник и взял со стола второй бокал, – так ты не против, если я поживу у тебя какое-то время... пока они не узнают меня нового?

– Сколько угодно, – буркнул Джеймс и устало потер переносицу. Сейчас ему очень хотелось побыстрее выпроводить гостя и вернуться к письму. Сейчас не до сохранения репутации.

Но Седрик, как всегда, жаждал общения.

– Благодарю, милорд! Постараюсь Вас не стеснить. Тем более, как я вижу, ты уже приютил в своем образцовом доме одно несчастное дитя. Оригинальное дополнение к экзотическому оружию!

При этом в его голосе прозвучали такие нотки... Каких Джеймс надеялся никогда больше у него не слышать.

Лорд Леонидас поморщился еще больше, но, конечно, этих объяснений не избежать и покончить с ними нужно как можно скорее.

– Если ты о хиндийке, то она важный свидетель в моем нынешнем деле. Здесь её удобнее всего держать под присмотром. В остальном – усмири, пожалуйста, свою бурную фантазию.

– Ну, для дикарки она совсем недурно воспитана, – возразил Седрик, напустив на себя очень серьезный вид, – по крайней мере, насколько я пока успел заметить, – он живо опрокинул в себя второй бокал. – А на счет «остального» – верю! Тебе верю. Ты, дружище, скорее станешь монахом, чем притронешься к кому-то темнее чая с молоком. Но, таким образом, я делаю вывод, что сердце восточной пташки свободно... Ты не против?...

Джеймс был бы не против. Совсем не против, даже наоборот, если бы не все эти обстоятельства!

– Рад, дружище, что ты такого высокого мнения о моих нравственных правилах, – процедил Джеймс, по-настоящему теряя терпение, – но если ты действительно не хочешь причинять мне неудобств, постарайся, чтобы о присутствии её в моем доме не узнал весь Лондон. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю. Значит, не против, – тот хмыкнул и резко помрачнел, будто ему вдруг надоело ехидничать, – а как поживает уважаемая леди Элизабет?

Впервые за разговор Джеймс намеренно встретился с ним взглядом. Седрик смотрел спокойно, скупающе. Равнодушно.

– У Элизабет всё в порядке, – постарался также спокойно ответить Джеймс, – она занимается искусством и благотворительностью.

То, что было в прошлом, было неправильно и мерзко. И это должно остаться в прошлом.

– Ах, благотворительность, – мечтательно вздохнул Седрик, – помощь несчастным и голодным... А о моём присутствии в твоём доме, я понимаю, тоже нежелательно распространяться?

– Нежелательно.

– Ясно, не тревожься, – наследник Гелифаксов еще раз вздохнул и с грустью посмотрел на пустые бокалы, – мне просто нужно тихое местечко для работы над новой книгой.

Вот уж очень обнадеживающее заявление! Джеймс вскинулся, забыв на секунду о своем письме.

– Над новой книгой? Если мне не изменяет память, тебя судили как раз за предыдущую книгу.

– Да, по правде говоря, так и было, – Седрик с видом мученика поднялся с дивана, – такова сущность нашего общества, оно ненавидит зеркала... Что ж, я пойду, разберу вещи. Надеюсь, мы еще побеседуем после ужина.

Едва закрылась дверь кабинета, Джеймс схватил письмо. Текст был набран на печатной машинке, так что по подчерку невозможно было опознать писавшего.

Насколько Джеймс знает своих загадочных друзей, рыцари не стали бы отправлять ему какие-то письма, ведь есть Уил-Посланник. Но что молодой лорд, в сущности, о них знает?

И Седрик... Как же не вовремя его принесло!

Отыскав взглядом последнюю строчку, Джеймс дочитал: «...Симонс отыскивал для Кинзмана в глубинах Чанхая товары весьма мистического толка. Говоря конкретнее, средства для борьбы со сверхъестественными существами».

9. Бунт и бунтовщик

Джеймсу не пришлось самому искать торгового агента Симонса. Рената уже назначила ему встречу, о чем любезно телефонировала лорду, на следующее утро после получения им анонимного письма. Но полностью сосредоточиться на этих обстоятельствах Джеймс пока не мог, до встречи с агентом у него была назначена еще одна встреча.

– Шестеренки, – изрек лорд Леонидас, задумчиво глядя на собеседника, – каким, порой, сложным и мощным кажется механизм, а стоит выдернуть из него одну лишь шестеренку и всё рассыпается.

– Шестеренку не трудно заменить, есть механизмы, которые так просто не разворо-тишь, – тот, в свою очередь, смотрел на него с вызывающим интересом. Очевидно, тем пыта-ясь скрыть страх и казаться увереннее. – А себя Вы, надо полагать, считаете всемогущим механиком? Что Вам от меня нужно? Я уже всё рассказал Вашим приятелям, да они и сами узнали...

Эрландец оказался именно таким, как Джеймс и представлял: грязным, растрепанным, с диковатым взглядом. Его держали в городской тюрьме под присмотром полиции, но лорд знал, что на самом деле его задержала Тайная Служба и она же им владеет.

«Болтливый, – мысленно отметил он, – это хорошо, так будет проще». В деле ведения допросов Джеймс был, откровенно говоря, не мастер, но, как заметил сам арестованный, он и так уже всё рассказал. А Джеймс пришел не за этим.

– Поверьте, мистер Кейсмен, я вовсе не собираюсь повторно Вас допрашивать, – честно сообщил лорд, – у меня также нет намеренья как-то усугублять Ваше положение. Тем более, что усугубить его едва ли возможно, – он выразительно обвел рукой крохотное пространство допросной комнаты, – напротив, я здесь, чтобы Вам помочь.

– «Помочь»? – Кейсмен пренебрежительно фыркнул. Его эрландский выговор звучал почти смешно. – В Ваших устах, милорд, это – самая страшная угроза.

– Тем не менее, – Джеймс решительно подался вперед через стол, – хотя Вам и не уда-лось закончить свою миссию в этом бунте, я смею надеяться, такие задания глупцам не поруча-ют. Следовательно, Вы не глупец и...

– Эрландец – не глупец?! – арестованный уже откровенно ухмылялся. – А Вы, милорд, похоже, сам бунтарь, если хотя бы допускаете такие мысли. «Эрландцы – те же дикари, что россы. Война, огонь, железо, кровь – ответ на все вопросы», тря-ля-ля! Впрочем, нет! – он азартно перебил сам себя. Джеймс его прерывать не собирался, пусть выговаривается. – Это только обывателю атлантскому внушают, что эрландцы от природы склонны к насилию и невежественны, а атлантские же... «механики» о нас гораздо лучшего мнения!

«Или всё-таки поручают?» – засомневался Джеймс. Черт морской знает этих... романтиков. Лицо арестованного выглядело изможденным, но без особых следов побоев. Веро-ятно, за него еще серьезно не брались или это просто не понадобилось, и принципиальность «борца» кончилась, едва начавшись?

– Верно, дикие, словно скифы, – невозмутимо согласился лорд. Не было ни малейшего желания вступать в псевдодискусии с этим типом, но если дать ему выпустить пар, вероятно, он станет сговорчивее. – Завоевание должно было принести в Эрландию цивилизацию. Разве наша вина, что вы оказались столь... упрямы?

Джеймс мысленно взглянул на карту Империи. Эрландия, остров чуть поменьше атлан-тского и чуть севернее. «Остров изумрудного клевера», как выражаются некоторые его обитатели и кое-кто из лондониумских романтиков. Впрочем, в столице об Эрландии чаще высказываются юмористы, чем романтики и трагики. Считается, что это – тема, которая заставит каждого истинного атлантца расслабиться и улыбнуться. Кто может удержаться

от смеха при одном лишь упоминании об эрландской шуточке? Вроде кружек с ручками внутри или еще какой полудикости.

Но лорд Леонидас вовсе не считал вопрос Эрландии поводом для веселья. Мало веселого в неизживаемой, почти уже тысячелетней головной боли. И вот очередной бунт.

– Ах да, как я забыл! – изменник схватил подачу с каким-то извращенным удовольствием, его глаза заблестели еще лихорадочней. – Первая колония, почти как первая любовь... И в качестве признания в любви – творение продажного писаки Герадуса, «История завоевания Эрландии», о дикарях и язычниках, которые лишь притворяются христианами! С двенадцатого века, только исключительно от любви их величеств Тюдоров, эрландские земли передавались атлантической знати, «Дом в Эрландии всего за пятьдесят фунтов в год, и лучше, чем в Атлантии за двести!» Исключительно от любви сэра Кромвеля в семнадцатом веке наше население сократилось вдвое! И с середины века прошлого, разумеется, тоже исключительно благодаря любви джентльменов, мелких эрландских землевладельцев сгоняли с их земель: так называемая «очистка имений», переход от мелкой крестьянской арены к крупному пастбищному хозяйству... Голод сорок пятого – сорок девятого годов погубил больше одного миллиона моих братьев...

– Однако, – чувствуя, что собеседник выдыхается, вставил Джеймс, – даже если Вы и глупец, то уж точно неплохой оратор. Чем якшаться с нашими врагами, Вы могли бы иметь успех в парламенте.

Вентиляция в допросной комнатенке оставляла желать лучшего, а от эрландца характерно пахло, и Джеймсу очень хотелось поторопиться. Но торопиться в таких делах нельзя, если они с Джеки рассчитывают добиться результата.

– Представляю, – снова ухмыльнулся «Падди», немного сбавив тон, – какие на меня появились бы карикатуры, если уж нашего так называемого премьер-министра у вас изображают с головой свиньи.

– Профессиональный риск, – развел руками Джеймс, – если берешься критиковать, будь готов услышать ответную критику.

Кейсмен вдруг напустил на себя такой оскорбленно-возвышенный вид, будто и правда выступал сейчас с трибуны:

– Когда вампир нападает на свою жертву, едва ли его остановит чья-то критика. Только серебряная пуля...

Джеймс, не сдержавшись, нервно дернулся. Затем произнес с усмешкой, стараясь скрыть секундное волнение:

– Если не в парламенте, то в нашем Гайт-парке вы бы точно имели успех, там всякий чудак, обладающий соответствующим талантом, найдет почитателей.

Изменник прекратил строить рожи, весь его вид стал каким-то подавленным и безнадежным. Но в глазах по-прежнему оставался лихорадочный блеск. И упрямая, дикая решимость.

А Джеймс вдруг с неожиданной точностью вспомнил прочитанное где-то когда-то высказывание одного из бывших премьер-министров: «Эрландцы ненавидят наш процветающий остров. Они ненавидят наш порядок, нашу цивилизованность, нашу предприимчивость, нашу свободу, нашу религию. Этот дикий, безрассудный, непредсказуемый, праздничный, суеверный народ не может питать симпатии к атлантическому характеру».

Возможно, те, кого он и рыцари ищут, скрываются именно в Эрландии? Вавилон, Карфаген, Венеция и... Эрландия? Почему бы нет, это достаточно близко и в то же время на безопасном расстоянии. Но рыцари уверяют, что те существа скрываются в самом Лондониуме. Впрочем, только ли в Лондониуме?

Адмирал Дишер может оказаться еще более прав, чем сам рассчитывает.

Волнения в Эрландии происходили во все времена и, надо полагать, не скоро прекратятся. На этот раз восстание в Дублине было быстро подавлено, так как повстанцы, при всей их страсти к самостоятельности, слишком рассчитывали на помощь Гермландии. Но атлантические морские войска вовремя перехватили корабли с оружием. А мистера Кейсмена, спешившего в Дублин с этой прискорбной новостью, задержала Тайная Служба.

В допросной повисло вязкое молчание. Было слышно, как за дверью прохаживается охранник, а где-то вдали шумит город: экипажи, парокары, паровозы, фабрики и прочие механизмы.

– Эрландия – единственная страна в Старом свете, население которой с середины девятнадцатого века не возросло, а сократилось! – наконец изрек Кейсмен. Видимо, долго молчать он не любил.

– И вы решили, что гермландские друзья это как-то поправят? – Лениво поинтересовался Джеймс. Давно пора было переходить к делу из-за которого он, собственно, вынужден всё это слушать.

– Хуже ведь не будет, – заметил тот, снова оживляясь, – что может быть хуже принципа «Десять заповедей не имеют силы к востоку от Суэца»?

– Как я уже сказал, у меня нет намеренья Вам вредить, – Джеймс тоже выразил оживление, надеясь теперь настроить эрландца на деловой лад. Умеют они разумно сотрудничать? – И я даже не буду с Вами спорить, Ваши претензии во многом обоснованы.

Кейсмен, как и следовало ожидать, подозрительно прищурился. Джеймс мельком подумал: вот что в корне отличает нас от них, они и на сотую долю не владеют собой так, как мы, у них сразу всё написано на лице. И никакое гермландское оружие тут не поможет.

Изменник театрально сложил руки на груди и торжественно процитировал Вильгельма Завоевателя:

– «Поистине, благородное дело – изгнать народ столь отвратительный, всем миром осужденный»!

Джеймс лишь скромно пожал плечами:

– Контроль над Эрландией всегда соответствовал и соответствует нашим стратегическим интересам, это плацдарм для дальнейшего продвижения в Мировое море.

– При этом сама Эрландия была отрезана от мореплавания!

– Верно, но как же иначе?

– «К чертям в пекло или в Кеннот»! – изверг тот еще одну цитату, на сей раз Кромвеля.

– Только исключительно по необходимости.

– В Вест-Хиндию из Эрландии было вывезено более ста тысяч рабов – тоже, надо полагать, по необходимости?!

– Истинно так, – покорно кивнул Джеймс, чувствуя, что разговор подходит к удобному моменту, – а также Эрландия – это один из первых источников накопления атлантического капитала и одновременно – лаборатория репрессивных законов, полигон для отладки всякого нового оружия. Вы, вероятно...

– За голову подпольного учителя эрландского языка выплачивали вознаграждение как за убитого волка! – Взвился тот.

Джеймс снова на секунду отвлекся: и вот эти требуют самоуправления? Нет, определенно, эрландцев нельзя оставлять, ради их же собственной безопасности. Иначе среди них заведется морской черт знает что. Впрочем, как говорил, кажется, тот же премьер-министр, колонии не перестают быть колониями из-за того, что они обрели независимость.

– Вы, вероятно, не поверите, – лорд осторожно изобразил доверительную улыбку, доставая из портфеля бумагу и инструменты для письма, – но моё предложение окажется для Вас крайне выгодным. И для Вас лично и для Вашего дела, так сказать, на отдаленную перспективу.

Тот опять подозрительно нахмурился, но подозрительность не могла полностью скрыть интерес.

– Хотите помочь государственному изменнику, милорд? – С натянутой иронией поинтересовался эрландец.

– Вроде того, – не стал спорить Джеймс, – суть моего предложения предельно проста: есть у нас такой профессор, Томас Адамас, алхимик, может быть слышали?

Кейсмен не шелохнулся, но легко было догадаться, что он слышал сие имя.

– Так вот, – кивнув, продолжил Джеймс, – я всего лишь прошу вас дать показания, что профессор Адамас поставляет вашей «Эрландской Армии Освобождения» кое-какие алхимические вещества. Взрывчатые, отравляющие, окисляющие... Понимаете?

Эрландец слушал внимательно и удивительно спокойно. Очень спокойно. Подозрительно спокойно.

– И... что вам нужно от Адамаса? – тихо спросил он.

– Всё дело в том, что у меня и еще у нескольких джентльменов возник серьёзный спор с мистером Адамасом, – пустился в доверительные объяснения Джеймс. Затея Джеки, действительно, выгодна для эрландца, надо только донести до его сознания эту выгоду. – Ваши показания помогут нам склонить чашу весов в свою пользу. Что касается Вашей выгоды, то, во-первых: я и мои друзья сделаем всё возможное, дабы облегчить Вашу участь государственного изменника, Вы же будете для нас ценным свидетелем! А во-вторых, сами посудите, Вам предоставляется возможность способствовать внутреннему конфликту в стане вашего врага. Мистер Адамас – не последний человек в нашем обществе и он точно не одинок на своих позициях. Кто знает, во что может вылиться наше противостояние...

«Падди» продолжал молча сверлить его взглядом, и это не предвещало успехов.

– Слышали такую римскую поговорку, «разделяй и властвуй»? – добавил Джеймс.

– Бесплатный урок политики от ангризи? – тот опять ухмыльнулся, но как-то неискренне. – Пожалуй, только за одно это я уже ваш должник до конца дней своих.

– Нет, нет, примите это как благотворительность, лично от меня, – Джеймс аккуратно пододвинул ему лист бумаги, – так, стало быть, мы договорились? Я Вам продиктую необходимое...

– А всё-таки, что вам нужно от Адамаса? – повторил Кейсмен вопрос, голос его чуть заметно дрогнул.

– Вам это так важно? – Джеймс устало повел плечами. – Это внутреннее дело... Касается флота, – добавил он и тут же пожалел. Этот тип, вероятно, достаточно образован, чтобы понимать значение флота для Атлантической Империи, он начнет выспрашивать подробности и еще больше заупрямится. – Если Вас интересует, как именно Ваши показания повлияют на наши корабли...

– Нет, мне всё ясно, – прервал его эрландец, вздохнув с явным облегчением, – я отказываюсь от вашего, так сказать, предложения.

– Но...

– С ангризи безопаснее воевать, чем дружить, – демонстративно брезгливо он отодвинул от себя листок и опять скрестил руки на груди.

Джеймс нескрывая скрипнул зубами:

– Похоже, Вы действительно глупец. Политика – это искусство договариваться, это утонченная игра, а не базарная болтовня или глупое геройство!

– Охотно верю, – беззаботно закивал тот, – в этом – ангризи верю. Только однажды вы доиграетесь. Отравитесь собственным ядом.

– Что ж, – Джеймс быстро взял себя в руки, – тогда не смею Вас более задерживать. Только, весьма вероятно, нам еще предстоит вернуться к моему предложению, – вряд ли

Джеки так просто откажется от своей затеи. Принципиальность эрландца ждут серьезные испытания.

– Лучше не тратьте на меня свое бесценное время, – вызывающе парировал изменник. Сейчас он был очень доволен собой.

Джеймс не счел нужным продолжать их нелепый спор. Он сложил бумагу и чернильницу и уже собирался позвать охранника, когда ему пришла, по сути, нелепая, но очень заманчивая идея. Решив, что всё равно ничего не потеряет, лорд невозмутимо спросил:

– Ах да, позволю себе еще один вопрос... Не знакомы ли Вы или кто-то из Ваших соратников с леди по имени Рената Лайтвуд?

Эрландец опять перестал улыбаться. Но на сей раз его лицо резко побледнело, он весь словно окаменел, даже взгляд стал неподвижен. Джеймс понял, что случайно попал на нужный след и терпеливо ждал реакции. Наконец тот с видимым трудом разлепил губы:

– А зачем Вам... Лайтвуд?

– Это касается моей работы в комитете, – мягко ответил лорд, – уверяю, это не относится ни к «Эрландской Армии Освобождения», ни к атлантическому флоту. Так, я понимаю, имя Лайтвуд Вам знакомо?

– Что Вам от неё нужно? – деревянным голосом переспросил Кейсмен.

– Я же сказал, это касается моей работы в комитете, – Джеймс чувствовал, что вот-вот начнет кашлять. – Вам, может быть, предоставить подробный письменный отчет, чем я там занимаюсь?!

– Охрана! – взвился из-за стола эрландец. – Я больше не хочу говорить с этим жуликом, уведите меня!

Металлическая дверь оглушительно заскрежетала. Охранник ворвался в допросную и встревоженно уставился на Джеймса:

– Сэр? Всё в порядке?

– Да, – буркнул Джеймс, сдавленно кашлянув, – можете уводить.

Пусть Дишер сам выколачивает из этого упряма, что хочет, раздраженно думал он, сбегая по лестнице и хватая ртом воздух. Только как бы попросить адмирала выколотить еще кое-что... что-нибудь... что-нибудь про эту треклятую...

– Вы?! – столкнувшись у подножия лестницы, Джеймс и Рената выразили совершенно одинаковое возмущение.

– Что Вы здесь делаете? – первой пришла в себя леди фининспектор.

– Могу задать Вам такой же вопрос, – парировал Джеймс, едва переведя дыхание.

– Я здесь по долгу службы, – презрительно фыркнула она, – а Вы?

– Аналогично. Вы пришли к эрландцу?

– Эрландцу? – она сбавила тон и недобро прищурилась. Джеймс старался не упустить ни единого её движения. – Причем тут... Впрочем, мне некогда сейчас с Вами болтать. Не забудьте, у нас сегодня в два часа встреча с агентом, – она решительно шагнула на лестницу.

Но Джеймс весьма грубо схватил её за локоть. Вполне материальный локоть, по видимому, из плоти и крови, мельком отметил он.

– Что Вас связывает с этим эрландцем?

– Да с каким еще эрландцем?! – она гневно выдернула руку. – Прекратите скандал, Вы мешаете мне работать!

Опомнившись, Джеймс отступил на шаг назад. Он мысленно отругал себя за нелепый срыв. Неужели это общение с дикарями на него так влияет?

– Прошу прощения... Но будьте так любезны, явиться на место встречи не позже половины второго!

Рената еще раз презрительно фыркнула и скрылась в полумраке второго этажа.

10. Война и наука

Эрландец, даже средней степени фанатичности, способен вывести из себя буквально кого угодно. Джеймс ехал с недопустимым превышением скорости, тщетно стараясь подавить раздражение. В его голове крутился только один вопрос – что связывает бунтовщика с Ренатой Лайтвуд?

Шумные улицы Лондониума проносились по сторонам и теперь казались Джеймсу какими-то мрачными, чуждыми, тревожно-подозрительными, словно за ними, как за ширмами, кто-то прятался и наблюдал. Возможно, так оно и есть.

Письмо анонимного доброжелателя он перечитал трижды, после чего мог уверенно сказать две вещи: во-первых, автор письма знает о Карле Кинзмане нечто, заслуживающее внимания. Во-вторых, автор послания знал отца Джеймса. И знал, похоже, гораздо лучше, чем сам наследник герцога Мальборо. Знал о графе Ди.

Джеймс вдруг почувствовал себя пресловутой шестеренкой, только не главной, а совсем маленькой, от которой в механизме почти ничего не зависит, и вместе с тем она никак не может из механизма выбраться.

Усилием воли лорд заставил себя сбавить скорость. На условленное место он прибыл за час до назначенного времени. Впрочем, мисс Лайтвуд тоже не заставила себя долго ждать.

Для встречи с торговым агентом была выбрана куда более скромная, чем «Георг», кофейня в центре города.

– Я не могу найти этого репортёра, Риплинга, – едва поздоровавшись, заявила Рената Лайтвуд, – и клерк «Ротбарта» почему-то не отвечает. У Вас есть какие-нибудь соображения на сей счет?

– Эмиссар Банка и не всемогущ? – нервно усмехнулся Джеймс. Он злился на себя даже больше, чем на неё, и едва удерживал вежливый тон.

– Увы, – она присела за столик и принялась мять салфетку, – хотелось бы увидеть и Ваше участие в нашем общем деле.

Требование вполне обоснованное. Тем более, если Джеймс предпочитает называть это расследование «своим», а не «нашим».

– Джо Баглз, редактор «Времён», мой хороший знакомый, – пожал плечами лорд, – он знает всех репортёров, я спрошу его в ближайшее время. С сэром Ротбартом лично не знаком, увы, на имя его клерка могу лишь отправить вызов, подобный Вашему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.